

К Е Н

ФОЛЛЕТТ

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ

Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.

Кен Фоллетт

Обратный отсчет

«АСТ»

2000

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Фоллетт К.

Обратный отсчет / К. Фоллетт — «АСТ»,
2000 — (Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.)

ISBN 978-5-17-082989-7

Человек, одетый в отрепья и потерявший память, даже не знает пока, что он – доктор Люк Люкас, известный ученый, работавший над созданием нового американского искусственного спутника. Но амнезия не длится вечно, и это хорошо известно людям, готовым пойти на все, чтобы не дать Люкасу вернуть свое прошлое, – или попросту убрать его, если не сработают другие методы. Кто же охотится за ученым и заманивает его в сети? Конкуренты? Иностранные шпионы? Или, напротив, – агенты ЦРУ, у которых есть собственные причины считать Люкаса опасным? Люк, оказавшийся в центре изощренной шпионской игры, не понимает, кто ему друг и кто – враг, кому можно доверять, а от кого следует бежать без оглядки...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-082989-7

© Фоллетт К., 2000
© АСТ, 2000

Содержание

Историческая справка	6
Часть первая	7
5.00	7
6.00	13
1941	15
6.30	22
7.00	25
7.30	28
8.00	31
1941	36
8.30	41
Часть вторая	46
9.00	46
10.00	49
11.00	51
12.00	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Кен Фоллетт

Обратный отсчет

Ken Follett

CODE TO ZERO

Originally published in English by Pan Macmillan.

Печатается с разрешения автора.

© Ken Follett, 2000

Школа перевода В. Баканова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Историческая справка

Запуск первого американского искусственного спутника Земли «Эксплорер-1» вначале был назначен на среду 29 января 1958 года, однако был отложен на следующий день – по официальной версии, из-за погодных условий. Наблюдателей на мысе Канаверал это немало удивило: ведь во Флориде стоял ясный солнечный день. Тем не менее командование заявило, что может помешать сильный ветер в верхних слоях атмосферы.

На следующий вечер запуск был снова отложен – с тем же объяснением.

«Эксплорер-1» взлетел лишь в пятницу 31 января.

«...С самого своего возникновения в 1947 году Центральное разведывательное управление... истратило миллионы долларов на поиск химических веществ или иных тайных методов, позволяющих полностью контролировать сознание обычных людей, как желающих, так и не желающих этого: заставлять их действовать, говорить, выдавать самые тщательно охраняемые секреты и даже забывать по приказу».

Томас Пауэрс, из предисловия к книге Джона Маркса «В поисках «маньчжурского кандидата»: ЦРУ и контроль над разумом»

Часть первая

5.00

Ракета «Юпитер-Си» стоит на стартовой площадке «Комплекс 26» космодрома на мысе Канаверал. Из соображений секретности корпус ее укрыт брезентом: видна лишь хвостовая часть – такая же, как у известной баллистической ракеты «Редстоун». Но то, что скрывается под брезентом, не имеет аналогов в мире военной техники.

Он проснулся в страхе.

Нет, хуже – в ужасе. Тело напряжено, как струна, сердце отчаянно колотится, воздух вырывается из легких резкими толчками. После пробуждения легче не стало, – и наяву его не оставляла уверенность: случилось что-то страшное. Вот только понять бы что.

Он открыл глаза. Слабый свет, сочащийся из соседнего помещения, тускло обрисовывал очертания предметов. Обстановка вокруг казалась смутно знакомой. Где-то рядом журчала вода.

Он попытался успокоиться. Сглотнул, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, сосредоточился на своих ощущениях. Жесткий пол. Холодно. Ломит все тело, раскалывается голова, сухо во рту, к горлу подступает тошнота, словно с похмелья.

Дрожа от холода и страха, он сел. В ноздри ударила вонь моющего средства с хлоркой. В сумраке у противоположной стены белела шеренга умывальников.

Он в общественной уборной.

Ничего себе! Уснул на полу в мужском сортире! Что, черт возьми, с ним стряслось? Так... он полностью одет – пальто, тяжелые ботинки. Однако одежда кажется чужой... Паника постепенно отступала, сменяясь иным, более глубоким страхом.

Нужен свет.

Он поднялся на ноги, вглядываясь во мрак, пытаясь понять, где дверь. Вытянув руки перед собой, чтобы не наткнуться на что-нибудь невидимое, добрался до ближайшей стены и боком, по-крабьи, двинулся вдоль нее. Рука нащупала что-то холодное и гладкое – должно быть, зеркало; за ним – раздатчик бумажных полотенец, какой-то железный ящик, возможно, торговый автомат. Наконец пальцы легли на выключатель.

Яркий свет залил белые кафельные стены, бетонный пол, ряд туалетных кабинок с открытыми дверцами, кучу старого тряпья в углу. Как он сюда попал? Что с ним произошло?

Истерический страх вновь подступил к горлу, когда он осознал, что ничего не помнит.

Что было с ним вчера? А позавчера? Неизвестно. Пустота. Как его зовут?

Он повернулся к умывальникам. Зеркало отобразило грязного бродягу – в лохмотьях, всклокоченного, с безумным взглядом выпученных глаз. Пожалуй, не меньше секунды он смотрел на этого бродягу, не понимая, что видит. А потом понял – и отшатнулся с криком; человек в зеркале сделал то же самое.

Не в силах больше сдерживать панику, он воскликнул дрожащим голосом:

– Кто я?!

* * *

Куча тряпья в углу зашевелилась. Из нее возникла голова, и невнятный голос проворчал:
– Чего орешь, Люк? Ты такой же босяк, как я!

Люк. Его зовут Люк.

Даже за эту крупицу знания он готов был благодарить судьбу. Имя – не слишком много, но хоть какая-то опора.

Он взглянул на своего товарища: драное пальто, подпоясанное веревкой, хитрая чумакая физиономия.

– Ох, черт, как башка трещит! – пробормотал тот, протирая глаза.

– А ты кто? – спросил Люк.

– Да я это, дурачина! Я, Пит! Что, не узнал?

– Я не... – Люк судорожно сглотнул, подавляя панику. – Я ничего не помню!

– Неудивительно. Ты вчера, почитай, целую бутылку бурбона вылакал в одиночку! Чудо, что совсем не свихнулся. Лучше бы мне побольше оставил! – облизнувшись, добавил Пит.

Бурбон... что ж, тогда понятно, откуда похмелье.

– А зачем я выпил целую бутылку?

Пит громко заржал.

– Совсем с катушек съехал? Чтобы напиться, само собой, зачем же еще!

Люк почувствовал, что кафельный пол уходит из-под ног. Итак, он бродяга. Пьяница. Ночует в общественных туалетах.

Страшно хотелось пить. Он склонился над раковиной, открыл воду, жадно сделал несколько глотков прямо из-под крана. От холодной воды стало чуть лучше, и он осмелился снова взглянуть на себя в зеркало.

Теперь его лицо стало спокойнее; безумный взгляд исчез, сменившись недоумением. Зеркало показало человека лет под сорок, темноволосого и голубоглазого. Ни усов, ни бороды – только густая темная щетина.

– Люк... а дальше? – спросил он, повернувшись к своему товарищу. – Как моя фамилия?

– Люк... а хрен тебя разберет. Мне-то откуда знать?

– Как я до такого дошел?

– Знаешь, – сказал, поднимаясь на ноги, Пит, – по-моему, нам обоим пора подкрепиться.

Только сейчас Люк почувствовал, что голоден. Интересно, есть ли у него деньги? Он обшарил карманы: пальто, пиджак, брюки... везде пусто. Ни денег, ни бумажника, ни даже носового платка.

– Похоже, я на мели.

– Да неужто? – саркастически откликнулся Пит. – Ладно, пошли. – И побрел к дверям.

Люк двинулся следом.

На свету его ждало новое потрясение. Он оказался в огромном храме, пустом и загадочно молчаливом. Словно в церкви, в ожидании призрачной паствы, выстроились рядами на мраморном полу скамьи красного дерева. По периметру огромного зала на высоких колоннах застыли фантастические каменные воины в шлемах и со щитами – стражи святилища. Высоко над головой простерся белоснежный свод потолка, расписанный золотистыми восьмиугольниками. У Люка мелькнула безумная мысль: что, если он потерял память, став жертвой какого-то чудовищного обряда?

– Что это за место? – спросил он вполголоса в благоговейном страхе.

– Вокзал Юнион-стейшн, – ответил Пит.

Люк выдохнул с облегчением: происходящее обрело смысл. Теперь он заметил и грязь на стенах, и комок жвачки на мраморном полу, и конфетные обертки и окурки по углам. Ну конечно! Просто вокзал – ранним утром, когда еще нет пассажиров. Он сам нагнал на себя страху, словно ребенок, которому в темной спальне мерещатся чудовища.

Пит двинулся к арке с надписью «Выход», и Люк поспешил за ним.

– Эй! Эй, вы двое! – послышался грубый голос откуда-то сбоку.

– Вот черт! – пробормотал Пит и ускорил шаг.

К ним приближался толстяк, затянутый в железнодорожную форму – и явно кипящий от праведного гнева.

– Вы что здесь делаете, а? Бродяги чертовы!

– Уже уходим, уже уходим! – униженно пролепетал Пит.

Люку стало противно, но он промолчал.

Однако толстяку, как видно, мало было просто их выгнать.

– Вы что, здесь ночевали? – продолжал он, следуя за ними по пятам. – Вы же знаете, это запрещено!

Люк почувствовал, что закипает от гнева. Какого черта посторонний жирдяй распекает его, словно мальчишку? Впрочем, в конце концов он действительно ночевал в этой проклятой уборной.

– Здесь вам не ночлежка, уроды вонючие! – надрывался толстяк. – А ну проваливайтесь! – И толкнул Люка в плечо.

Люк резко обернулся.

– Не смейте меня трогать! – Он сам поразился холодной угрозе, прозвучавшей в его голосе. Толстяк-железнодорожник застыл, как вкопанный. – Мы уходим. Ничего больше не надо ни говорить, ни делать. Ясно?

Толстяк попятился, глядя на него с нескрываемым страхом.

– Пошли, пошли! – поторопил Пит.

В следующий миг Люку стало стыдно. Пусть этот парень – грубиян, но вокзальный служащий имел полное право выгнать бродяг. Зачем его запугивать?

Вместе с Питом он вышел через величественную арку в темноту. Перед входом в вокзал были припаркованы несколько машин. Стоял колючий холод, и Люк плотнее запахнулся в истрепанное пальто. Зима в Вашингтоне, морозное зимнее утро. Должно быть, январь или февраль.

Интересно, какой сейчас год?

Пит повернул налево; он явно знал, куда идти.

– Куда мы? – спросил Люк.

– На Эйч-стрит есть благотворительная столовка. Споешь гимн-другой – и получишь бесплатный завтрак.

– Я так голоден, что готов и ораторию исполнить!

Пит уверенно шагал по узким извилистым улочкам мимо многоквартирных домов для бедноты. Город еще спал: магазины, закусочные, газетные киоски – все закрыто. Бросив взгляд на окно первого этажа с дешевыми блеклыми занавесками, Люк вообразил себе неведомого хозяина этой квартиры – как он лежит сейчас под теплым одеялом, а под боком у него посапывает жена – и ощутил укол зависти. Что-то подсказывало ему, что его место здесь, в предрасветном сообществе людей, спешащих по своим делам, когда прочие еще спят. Вот рабочий в грубой одежде идет на работу; вот крутит педали велосипедист, закутанный в огромный шарф; вот проезжает мимо автобус, и в ярко освещенном салоне курит единственная пассажирка...

Мучительные вопросы крутились в голове и не давали покоя. Долго ли он пьет? Пробовал ли бросить? Есть ли у него родные, друзья? Как он познакомился с Питом? Где они раздобыли выпивку? Где пили? Но Пит молчал, и Люк сдерживал свое нетерпение: он надеялся, что, перекусив, его спутник станет поразговорчивее.

Впереди показалась церковь; маленькая и непрезентабельная с виду, она втиснулась между кинотеатром и табачной лавкой. Бродяги вошли в боковую дверь, спустились по лестнице в подвал и попали в длинную комнату с низким потолком. С одной стороны – небольшое возвышение и рояль, с другой – плита. Между ними три ряда длинных деревянных столов со скамьями. Здесь уже сидели трое бродяг, каждый за отдельным столом, и терпеливо ждали.

У плиты плотная женщина помешивала какое-то варево в кастрюле. Седобородый мужчина в воротничке священника, заметив новоприбывших, поднял взгляд от кофеварки и улыбнулся.

– Заходите, заходите! – приветливо заговорил он. – Идите сюда, в тепло!

Люк бросил на него подозрительный взгляд.

В подвале действительно было тепло, после ветра и мороза на улице – даже жарко. Люк расстегнул заскорузлое от грязи пальто.

– Утро доброе, пастор Лониган! – поздоровался Пит.

– Вы здесь уже бывали? – спросил пастор. – Что-то я вас не припомню.

– Я Пит, а это Люк.

– Надо же – Петр и Лука, как два апостола! – Улыбка и добрый юмор пастора казались вполне искренними. – Завтрак еще не готов, но у нас есть свежий кофе.

Удивительно, подумал Люк. Каждый день встает ни свет ни заря, чтобы накормить завтраком толпу бомжей – и ему еще хватает сил шутить и улыбаться!

Тем временем пастор разлил кофе по толстостенным кружкам.

– Молоко, сахар?

Любит ли он кофе с молоком? С сахаром? Этого Люк не знал.

– Да, спасибо, – ответил он наугад и, приняв кружку, сделал большой глоток.

Кофе показался ему тошнотворно сладким. Значит, «в прошлой жизни» он пил черный без сахара. Впрочем, напиток утолял голод – и Люк быстро прикончил всю кружку.

– Через несколько минут мы вместе помолимся, – проговорил пастор. – А тем временем подспеет знаменитая овсянка миссис Лониган!

К этому моменту Люк убедился, что его подозрения беспочвенны. Пастор Лониган – приятный человек, которому нравится помогать ближним.

Люк и Пит сели за грубый деревянный стол. Исподтишка Люк разглядывал своего спутника. До сих пор он обращал внимание лишь на лохмотья и грязь на лице, но теперь заметил, что во внешности Пита не заметны следы давнего бродяжничества и пьянства: нет ни вздутых вен, ни сеточки лопнувших сосудов на лице, ни шрамов, ни синяков. Кроме того, он молод – на вид не больше двадцати пяти. Однако во внешности Пита была приметная особенность: продолговатое багровое родимое пятно, идущее от уха к нижней челюсти. Зубы неровные и бесцветные. Темные усы он, должно быть, отрастил, чтобы отвлекать внимание от плохих зубов – в те дни, когда еще заботился о своей внешности. Люк чувствовал в нем какой-то подавленный гнев. Наверное, думал он, Пит обижен на весь мир – из-за родимого пятна на лице или по какой-то иной причине. Может быть, он из тех, кто верит, что страну губят враги – будь то китайские мигранты, негры, возомнившие себя равными белым, или те десять безымянных богачей, что втайне правят рынком ценных бумаг.

– На что это ты уставился? – поинтересовался Пит.

Люк пожал плечами и промолчал.

На столе лежали газета, раскрытая на странице с кроссвордом, и огрызок карандаша. Люк бросил на нее рассеянный взгляд, затем взял карандаш и принялся заполнять пустые клеточки.

Тем временем подходили все новые бродяги. Миссис Лониган поставила на стол высокую стопку тарелок и выложила грудю ложек.

Люк угадал все слова, кроме одного – «знаменитый датский аристократ», шесть букв. Пастор Лониган заглянул ему через плечо, при виде решенного кроссворда удивленно поднял брови и негромко проговорил жене:

– «О, что за гордый ум сражен!»¹

«Гамлет!» – сверкнуло в голове у Люка, и он вписал недостающее слово. А затем подумал: «Откуда я это знаю?»

---

¹ Слова Офелии о Гамлете, акт III, сцена I, в русском переводе Т. Щепкиной-Куперник. (Прим. пер.)

Перевернув газету, он взглянул на первую страницу в поисках даты. Среда, 29 января 1958 года. Взгляд остановился на заголовке: «АМЕРИКАНЦЫ ОСТАЮТСЯ НА ЗЕМЛЕ». Он начал читать:

Мыс Канаверал, вторник. Вследствие технических проблем командование военно-морских сил США отменило уже вторую попытку запуска космической ракеты «Авангард».

Напомним, что первая попытка, состоявшаяся два месяца назад, окончилась провалом: «Авангард» взорвался в воздухе через две секунды после старта.

Теперь все надежды американцев запустить искусственный спутник Земли, который станет достойным соперником советскому спутнику, связаны с конкурентом «Авангарда» – ракетой-носителем «Юпитер».

Послышались звуки фортепиано, и Люк оторвал взгляд от газеты. Миссис Лониган наигрывала на рояле вступление к знакомому гимну. Переглянувшись, они с мужем запели «Иисус – наш самый верный друг», и Люк начал подпевать, радуясь тому, что знает слова.

Странную шутку сыграла с ним бутылка бурбона... Он может решить кроссворд, помнит церковный гимн – однако не помнит имени собственной матери. Быть может, он пьянствовал много лет, и в конце концов алкоголь нанес непоправимый ущерб его мозгу? Но как, как мог он так обойтись с самим собой?!

После гимна пастор Лониган прочел несколько стихов из Библии, а затем проникновенно сказал, что все они, здесь собравшиеся, могут спастись. Да уж, спасение этим людям не помешает, подумал Люк. Впрочем, сам он не испытывал желания положиться на Иисуса. Прежде чем искать Бога, хорошо бы найти самого себя.

Пастор прочел импровизированную молитву; все спели благодарение, выстроились в ряд с тарелками в руках, а миссис Лониган принялась раскладывать кашу по тарелкам и поливать сиропом. Люк съел три тарелки – и почувствовал себя гораздо лучше. Похмелье быстро отступало.

Ему не терпелось найти ответы на свои вопросы, и он обратился к пастору:

– Сэр, я ничего не помню о себе. Скажите, вы видели меня здесь прежде?

Лониган внимательно всмотрелся в него.

– По-моему, нет. Впрочем, каждую неделю здесь бывают сотни людей, и я могу ошибаться. Сколько вам лет?

– Не знаю, – ответил Люк, чувствуя себя круглым дураком.

– Мне кажется, под сорок. И вы определенно не долго живете на улице. Бродяжничество накладывает на человека определенный отпечаток. А у вас энергичная походка, кожа под слоем грязи чистая, и вы способны решить кроссворд. Бросьте пить, не откладывая, прямо сейчас – и сможете вернуться к нормальной жизни.

«Интересно, сколько бедолагам он уже говорил эти слова?» – подумал Люк.

– Постараюсь.

– Если вам понадобится помощь, обращайтесь.

Тут какой-то бродяга, судя по виду, умственно отсталый, принялся дергать пастора за рукав, и Лониган с терпеливой улыбкой повернулся к нему.

– Как давно ты меня знаешь? – спросил Люк у Пита.

– О!.. Да уже порядочно.

– Где мы ночевали прошлой ночью?

– Слушай, не парься. Пройдет немного времени, и ты все вспомнишь.

– Мне нужно понять, кто я.

– Знаешь что, – секунду колебавшись, проговорил Пит, – по-моему, тебе нужно выпить! Пиво здорово прочищает мозги! – И он повернулся к дверям.

Люк схватил его за руку.

– Нет, пить мне совершенно не нужно! – отрезал он.

Казалось, Пит вовсе не хочет, чтобы к нему возвращалась память. Почему? Боится лишиться товарища? Что ж, очень жаль, но у Люка есть более важные дела, чем развлекать Пита.

– Я знаю, что мне нужно, – проговорил Люк. – Думаю, мне стоит какое-то время побыть одному.

– «Побыть одному!» Эй, ты кем себя вообразил? Гретой Гарбо?

– Я серьезно.

– А кто же за тобой присмотрит, если не я? В одиночку ты не выживешь. Черт, ты же даже не помнишь, сколько тебе лет!

На лице Пита читалась настоящая мольба; но Люк был непоколебим.

– Спасибо за заботу, – твердо ответил он. – Я должен выяснить, кто я такой. А ты мне в этом не помогаешь.

Мгновение поколебавшись, Пит пожал плечами.

– Ладно, дело твое. Может, еще свидимся.

– Может быть.

Пит вышел за дверь. Люк пожал руку пастору Лонигану.

– Спасибо вам за все.

– Надеюсь, вы найдете то, что ищете, – ответил пастор.

Люк поднялся по ступеням и вышел на улицу. У соседнего многоэтажного дома он увидел Пита: тот остановил какого-то прохожего в зеленом габардиновом плаще и такой же кепке и, должно быть, выпрашивал у него мелочь на пиво. Люк пошел в другую сторону и свернул на первом же повороте.

Было еще темно. Мерзли ноги: только сейчас Люк заметил, что на нем нет носков. Тем временем с неба сыпался легкий пушистый снег. Через несколько минут Люк пошел медленнее, сообразив, что спешить нет смысла. Можно и вовсе остановиться и переждать снег под козырьком подъезда.

Все равно идти ему некуда.

6.00

С трех сторон ракету окружает, как бы сжимая ее в стальных объятиях, сервисная башня. Башня – переделанная нефтяная вышка – снабжена двумя парами колес и может передвигаться по рельсам. Перед запуском ракеты эта обслуживающая структура размером с многоэтажный дом будет отодвинута на триста футов в сторону.

Элспет проснулась и сразу вспомнила о Люке.

Несколько мгновений она лежала в постели, переполненная тревогой за человека, которого любила. Затем села и включила лампу на прикроватной тумбочке.

Номер был обставлен «в космическом стиле»: торшер в виде ракеты, на стенах в рамках – сплошные планеты, орбиты и луны над инопланетными горизонтами. Фантазия явно заменяла художнику знание астрономии.

Элспет жила в «Старлайте» – одном из moteлей новой сети, застроившей все песчаные дюны вблизи курортного городка Кокоа-Бич во Флориде, в восьми милях к югу от мыса Канаверал, и гостеприимно распахнувшей двери навстречу новым гостям. Как видно, дизайнер счел космическую тему самой подходящей к случаю, однако Элспет все эти межпланетные красоты напоминали спальню десятилетнего мальчика.

Потянувшись к телефону на тумбочке, она набрала рабочий номер Энтони Кэрролла в Вашингтоне. Длинные гудки. Попробовала домашний номер – никто не ответил и там. Может быть, что-то случилось? «Нет, нет, – ответила себе Элспет, подавляя тошнотворную волну страха, – не о чем волноваться. Он просто едет на работу. Позвоню еще раз, через полчаса – тридцати минут-то ему точно хватит».

Принимая душ, она вспоминала Люка и Энтони в молодости, когда познакомилась с ними обоими. До войны они учились в Гарварде, она в Рэдклиффе². Оба парня пели в Гарвардском клубе любителей хорового пения: у Люка был очень недурной баритон, у Энтони – чудесный тенор. А она руководила женским хором Рэдклиффа и организовывала с Гарвардским клубом совместные концерты.

Люк и Энтони, неразлучные друзья... Странная пара. Оба высокие, спортивного сложения – но на этом сходство кончалось. «Красавец и Чудовище» – прозвали их девчонки из Рэдклиффа. Красавец – это, конечно, Люк: с черными кудрями, неизменно элегантно одетый. Энтони, с длинным носом и тяжелым подбородком, всегда в измятом и плохо сидящем костюме, на красавца никак не походил, но очаровывал девичьи сердца своей энергией и легким веселым нравом.

Быстро приняв душ, Элспет накинула халат и села за туалетный столик наносить макияж. Рядом с карандашом для век она положила наручные часы, чтобы перезвонить Энтони ровно через полчаса.

Тогда, во время знакомства с Люком, она тоже сидела за туалетным столиком в одном халате. Вышло это так: несколько гарвардцев, угостившись спиртным, решили совершить набег на женское общежитие Рэдклиффа. Поздно вечером влезли в открытое окно на первом этаже, чтобы стащить пару-тройку девичьих трусиков – обычное развлечение студентов тех времен. Странное дело, подумалось Элспет: ни она, ни другие девушки совершенно не боялись подвыпивших парней – самое большее, опасались лишиться деликатных предметов туалета. Наверное, и в самом деле люди в те времена были невиннее, чем сейчас?

---

² Гарвард – один из старейших и известнейших университетов США, расположенный в городе Кембридж, штат Массачусетс. Рэдклифф-колледж – престижное женское высшее учебное заведение, существовавшее в Кембридже с 1879 по 1999 год. В 1930–1940-х годах Рэдклифф функционировал в тесном сотрудничестве с Гарвардом, как его «женская половина» (Гарвард был чисто мужским). (Прим. пер.)

Какой-то счастливый случай привел к ней в комнату Люка. Оба они специализировались по математике и часто встречались на занятиях. Лицо парня скрывалось под маской, но Элспет узнала его по одежде: ирландский серый твидовый пиджак и уголок платка в красную крапинку, торчащий из нагрудного кармана. Она улыбнулась и указала рукой на шкаф, сказав только: «В верхнем ящике». Он выбрал белые шелковые трусики с кружевной отделкой, и Элспет ощутила укол сожаления – трусики были дорогими. Зато на следующий день Люк пригласил ее на свидание.

Она постаралась отвлечься от воспоминаний и сосредоточиться на макияже. Ночью Элспет плохо спала, и привычные, отработанные до автоматизма движения давались с трудом. Тональный крем, скрывающий следы усталости, бледно-розовая помада на губы. Она окончила Рэдклифф, у нее степень по математике – и все равно все ждут, что на работе она будет выглядеть как куколка!

Элспет расчесала волосы – рыжевато-каштановые, по моде подстриженные до подбородка. Быстро натянула спортивное платье без рукавов, в зелено-коричневую полоску, застегнула широкий кожаный пояс.

Прошло ровно двадцать девять минут.

Чтобы чем-то занять последнюю минуту, она задумалась о числе 29. Простое число – не делится ни на что, кроме единицы и самого себя, – но в остальном не слишком интересное. Единственное его необычное свойство – то, что $29 + 2x^2$ остается простым числом для любого значения x вплоть до 28. Она мысленно выстроила ряд чисел: 29, 31, 37, 47, 61, 79, 101, 127...

Пора! Элспет сняла трубку и снова набрала номер кабинета Энтони.

Никто не ответил.

1941

Элспет Туми влюбилась в Люка, как только он ее поцеловал.

По большей части парни из Гарварда совершенно не умели целоваться. Одни впивались тебе в губы так, что, казалось, вот-вот останутся синяки, другие разевали рот, словно в кресле зубного врача. Но когда ее поцеловал Люк – а было это в пять минут первого на тенистом заднем дворе общежития, – поцелуй его был страстным и нежным. Он ласкал губами не только ее губы, но и щеки, веки, горло; кончик языка осторожно проник меж ее губ, словно спрашивал позволения войти, – и у Элспет не возникло даже мысли ему отказать. А позже, у себя в комнате, она смотрела в зеркало на свое раскрасневшееся, счастливое лицо и шептала: «Кажется, я его люблю!»

Это было полгода назад. С тех пор ее чувство только окрепло. Оба учились на выпускном курсе и виделись почти каждый день. В будни встречались за обедом или выкраивали время, чтобы позаниматься вместе пару часов, ну а в выходные почти полностью принадлежали друг другу.

Немало девушек из Рэдклиффа обручались на выпускном курсе – со студентами из Гарварда или с молодыми преподавателями. Дальнейший путь их был прост и понятен: летом – свадьба, затем долгий медовый месяц, переезд в отдельную квартиру, работа. Через год или около того – первый ребенок.

Люк о свадьбе не заговаривал.

Сейчас, сидя рядом с Люком в отдельной кабинке бара «У Фланагана», Элспет не сводила с него глаз. Он был погружен в спор с Берном Ротстеном – высоким и тощим аспирантом с суровой, даже мрачной физиономией и пышными черными усами. Темные кудри Люка падали на глаза, и, увлеченно жестикулируя правой рукой, левой он порой привычным жестом откидывал их со лба. Когда он станет старше и найдет себе респектабельную работу, думала Элспет, ему, наверное, придется помазать волосы, чтобы они не лезли в глаза. А жаль – с непослушными кудрями он выглядит так сексуально!

Берн, как и многие студенты и преподаватели в Гарварде, был коммунистом.

– Твой отец – банкир! – проговорил он с отвращением. – И сам ты будешь банкиром. Разумеется, для тебя ничего нет лучше капитализма!

Элспет заметила, что к щекам Люка прилила краска. Только на прошлой неделе в журнале «Тайм» опубликовали статью, из которой явствовало, что отец Люка – один из десяти миллионеров, сумевших сколотить себе состояния во время депрессии. Однако Элспет догадывалась: Люк краснеет не потому, что его обозвали сынком богача, а потому, что любит свою семью и не хочет терпеть даже завуалированных обвинений в адрес отца. Ей тоже стало обидно за него, и она с жаром возразила:

– Берн, мы не судим людей по их родителям!

– Не вижу ничего плохого в работе банкира, – добавил Люк. – Банки помогают начинать свое дело и создавать новые рабочие места.

– Ага, как в двадцать девятом!

– Все совершают ошибки. Да, иногда банки кредитуют не тех, кого следовало бы. Но, знаешь, солдаты на войне тоже иногда стреляют не в тех – однако я не говорю, что ты убийца!

Пришла очередь Берна покраснеть и насупиться. Три или четыре годами старше остальных, он успел съездить в Испанию и повоевать добровольцем на тамошней гражданской войне; теперь, быть может, ему вспомнились какие-то трагические сцены из военного прошлого.

– Во всяком случае, – заключил Люк, – я становиться банкиром не намерен.

Пег, подруга Берна, взглянула на него с интересом. Эта простенькая с виду девушка тоже была пламенной коммунисткой, однако не обладала острым языком своего приятеля.

– А кем же ты хочешь стать? – спросила она.

– Ученым.

– И чем будешь заниматься?

– Межпланетными исследованиями, – выпрямившись, гордо ответил Люк.

Берн насмешливо расхохотался.

– Полеты в космос? Да это сказки для школьников!

– Придержи язык, Берн! – снова бросилась на защиту Люка Элспет. – Тебе-то откуда знать? – В Гарварде Берн специализировался по французской литературе.

Впрочем, Люка насмешка вовсе не задела. Он, похоже, привык к тому, что люди усмеются, услышав о его мечте.

– Я думаю, однажды мы полетим в космос. И вот что еще скажу тебе, Берн: уже при нашей жизни научный прогресс сделает для обычных людей столько, сколько твоим коммунистам и не снилось!

Элспет чуть поморщилась: о политике он порой рассуждал, как сущий ребенок.

– Ты слишком все упрощаешь, – проговорила она. – Блага науки доступны лишь элите.

– Неправда, – возразил Люк. – Пароходы улучшили жизнь не только пассажиров, но и матросов.

– А ты был когда-нибудь в машинном отсеке океанского лайнера? – поинтересовался Берн.

– Был – и там никто не умирал от цинги!

– Эй, ребята! – послышался вдруг новый голос, и над столом нависла высокая широкоплечая фигура. – Чем это вы тут заняты? Алкоголь распиваете? А вам всем уже есть двадцать один год?

Это был Энтони Кэрролл, в синем саржевом пиджаке, как обычно, таком изжеванном, словно Энтони не снимал его и на ночь. А с ним... Элспет с трудом подавила невольный возглас удивления – никак не ожидала она увидеть рядом с Энтони такую красотку! Хрупкая миниатюрная девушка в модном красном жакете и черной юбке, в лихо заломленной набок алой шляпке, из-под которой густым водопадом падали на плечи и спину пушистые темные кудри.

– Познакомьтесь с Билли Джозефсон! – представил свою спутницу Энтони.

– Джозефсон... – Берн повернулся на стуле и окинул новую знакомую пристальным взглядом. – Вы еврейка?

От такого прямого вопроса она, кажется, смутилась.

– Да.

– Значит, сможете выйти за Энтони замуж – но даже не надейтесь попасть в его загородный клуб!

– Я не состою в загородном клубе! – запротестовал Энтони.

– У тебя еще все впереди! – заверил Берн.

Люк встал, чтобы позвать Энтони руку, при этом неловко толкнул стол и опрокинул бокал. Такая неуклюжесть была совсем не в его духе; с легкой досадой Элспет заметила, что он не сводит глаз с Билли.

– Признаюсь, я удивлен, – заметил он, одаривая новую знакомую своей самой очаровательной улыбкой. – Когда Энтони сказал, что встречается с девушкой по имени Билли, мне сразу представилась девица шести футов росту и с борцовскими мускулами!

Билли весело рассмеялась и скользнула на скамью рядом с Люком.

– На самом деле меня зовут Билла, – объяснила она. – Это библейское имя. Служанка Рахили и мать Дана³. Однако выросла я в Далласе, а там все звали меня Билли-Джо.

– Скажи, она прелесть! – вполголоса проговорил Энтони, усаживаясь рядом с Элспет.

В сущности, Билли нельзя было назвать красавицей. Вглядываясь в ее лицо, Элспет ясно видела в нем недостатки: узкое, с мелкими чертами, острый нос, слишком большие темные глаза. И все же девушка была обворожительна. В ней привлекало все вместе: алая помада на губах, лихо заломленная шляпка, протяжный техасский выговор и более всего – живость и одушевленность. Не успев присесть, она уже рассказывала Люку какой-то техасский анекдот – и не столько рассказывала, сколько изображала в лицах, то улыбаясь, то хмурясь, разыгрывая целую сцену.

– Очень милая, – согласилась Элспет. – Странно, что я ее раньше не замечала.

– Она мало ходит по вечеринкам – почти все время посвящает учебе.

– А где же ты с ней познакомился?

– Заметил ее в Музее Фогга. На ней тогда было зеленое пальто с латунными пуговицами и берет, и я подумал: точь-в-точь игрушечный солдатик!

Ну нет, на игрушку Билли совсем не похожа, подумала Элспет. Она куда опаснее. Как раз в этот миг Билли, рассмеявшись какому-то замечанию Люка, с игривым упреком шлепнула его по руке. Разозленная таким откровенным кокетством, Элспет обратилась к ней:

– А вы не боитесь опоздать к комендантскому часу?

К десяти часам вечера студенткам Рэдклиффа предписывалось быть в общежитии, у себя в спальнях. В принципе разрешалось возвращаться и позже, но всякий раз это была целая история: студентке приходилось вписывать свою фамилию в специальный журнал, объяснять, куда она идет и когда вернется, и время ее возвращения потом проверяли. Однако ученицы Рэдклиффа не зря славились умом и способностью находить нестандартные выходы из самых затруднительных ситуаций.

– Ко мне, видите ли, приехала тетушка, остановилась в «Ритце». Сегодня я ночую у нее, – ангельским голоском объяснила Билли. – А у вас какая версия?

– Никаких версий – просто окно на первом этаже, которое открыто всю ночь.

– На самом деле я переночую в Фенвее, у друзей Энтони, – понизив голос, объяснила Билли.

Поймав взгляд Элспет, Энтони запротестовал:

– Это знакомые моей матери, у них просторная квартира... И нечего бросать на меня такие викторианские взгляды! Страшно респектабельная семья!

– Надеюсь, – чопорно проговорила Элспет. От нее не укрылось, что Билли залилась краской – и, как ни стыдно признаться, это доставило ей удовольствие. – Милый, – проговорила она, повернувшись к Люку, – во сколько у нас фильм?

Он взглянул на наручные часы.

– Нам уже пора.

На выходные Люк арендовал машину, двухместный «Форд» с кузовом модели А, выпущенный лет десять назад. В сравнении с плавными обтекаемыми линиями новых автомобилей, мчащихся мимо по шоссе, эта тесная колымага выглядела непрезентабельно. Однако Люк вел неказистый автомобиль умело, явно наслаждаясь своим мастерством водителя.

В кинотеатре «Лоуи» они смотрели новый фильм Альфреда Хичкока «Подозрение». В темноте Люк приобнял Элспет, а она положила голову ему на плечо. Все было бы чудесно, если бы не сюжет фильма – история брака, обернувшегося кошмаром; совсем не то, на что Элспет хотелось бы смотреть вместе с Люком.

---

³ В русском Синодальном переводе Библии – Валла. (Прим. пер.)

Около полуночи они вернулись в Кембридж и, проехав по Мемориал-драйв, остановились в парке, на берегу Чарльз-ривер, неподалеку от эллинга. Обогревателя в машине не было; Элспет подняла меховой воротник пальто и прижалась к Люку в поисках тепла.

Они разговаривали о фильме. Элспет считала, что в реальной жизни героиня Джоан Фонтейн, спокойная и рассудительная девушка, воспитанная чопорными родителями, едва ли влюбилась бы в такого «обаятельного негодяя», какого сыграл Кэри Грант.

– Так поэтому-то она на него и запала! – возразил Люк. – Почуяла в нем опасность!

– Разве опасные люди привлекательны?

– Еще как!

Элспет отвернулась и уставилась на отражение луны в беспокойных волнах. Ей вспомнилась Билли Джозефсон: опасная штучка, это уж точно!

Почувствовав ее раздражение, Люк сменил тему.

– Кстати, сегодня профессор Дэвис сказал мне, что я могу, если хочу, защитить диссертацию прямо здесь, в Гарварде.

– Почему он об этом заговорил?

– Я упомянул, что надеюсь попасть в округ Колумбия. «Зачем? – ответил он. – Оставайтесь здесь!» Я объяснил, что в Нью-Йорке живет моя семья – а он на это: «Семья? Пфф!» Как будто тот, кто хочет чаще видеться с сестренкой, никогда не станет серьезным математиком!

Люк был старшим из четверых детей. Мать его была француженкой; они с отцом Люка познакомились в Париже в конце Первой мировой войны. Элспет знала, что Люк очень любит братьев-подростков, а одиннадцатилетнюю младшую сестру просто обожает.

– Профессор Дэвис – холостяк, – ответила она. – Он живет только работой.

– А ты не думала защититься?

Сердце Элспет пропустило такт.

– Думаешь, стоит? – Что это? Он просит ее поехать вместе с ним в Колумбию?

– Почему нет? Ты в математике круче большинства наших парней.

– Я всегда хотела работать в Госдепартаменте...

– И жить в Вашингтоне?

Элспет не сомневалась, что Люк не планировал этого разговора. Просто размышлял вслух. Таковы мужчины: запросто, мимоходом говорят о том, что способны определить всю твою жизнь. Однако мысль о том, что они могут разъехаться по разным городам, ему явно не понравилась. Что ж, думала Элспет, у этой задачи очень простое решение – и, несомненно, очевидное ему, как и ей!

– Ты когда-нибудь была влюблена? – вдруг спросил Люк. И, словно сообразив, о чем спрашивает, поспешно добавил: – Извини, это очень личный вопрос, я не имею права спрашивать...

– Все нормально, – ответила Элспет. Желание Люка поговорить о любви играло ей на руку. – Да, было дело, – небрежно бросила она, с удовлетворением отметив, что по его лицу в неверном лунном свете скользнула тень неудовольствия. – В семнадцать лет. В то время в Чикаго начались забастовки сталелитейщиков, а я тогда очень увлекалась политикой. Вот и пришла в штаб забастовщиков и предложила свою помощь. Передавать сообщения, варить кофе, все такое. Там был один молодой активист по имени Джек Ларго, мы работали вместе, – и я в него влюбилась.

– А он в тебя?

– Что ты, конечно, нет! Ему было двадцать пять лет, и на меня он смотрел как на ребенка. Разумеется, был со мной милым, обаятельным... Он со всеми таким был. – Поколебавшись, она добавила: – Хотя... однажды он меня поцеловал.

Наверное, этого не стоило рассказывать Люку – однако Элспет слишком хотелось выговориться. Никому и никогда еще она об этом не рассказывала.

– Мы с ним вдвоем в задней комнате упаковывали листовки. Я сказала что-то такое, что его рассмешило, – уже не помню, что. И вдруг он говорит: «Элли, ты просто сокровище!» – знаешь, он был из тех людей, что всех вокруг называют сокращенными именами, ты для него наверняка стал бы «Лу». Так вот, он сказал: «Ты просто сокровище» – и меня поцеловал. Прямо в губы. Я чуть от счастья не умерла. А он пошел дальше раскладывать листовки по коробкам, как будто ничего не случилось.

– Мне кажется, он все-таки тоже был в тебя влюблен.

– Не знаю.

– А что было дальше? Где он сейчас?

Элспет покачала головой.

– Умер.

– Как? Такой молодой!..

– Его убили. – Она сглотнула непрошенные слезы. Еще не хватало, чтобы Люк решил, что она до сих пор тоскует по Джеку! – Администрация завода наняла двух полицейских. После смены, в штатском, они подкараулили Джека в пустынном месте и забили до смерти арматурой.

– Господи Иисусе! – проговорил Люк, глядя на нее широко раскрытыми глазами.

– Все в городе знали, кто это сделал, но никого так и не арестовали.

Он взял ее за руку.

– Я читал о таких случаях в газетах, но мне казалось, это что-то из другой жизни...

– Это реальность. Завод должен работать и приносить прибыль. Всякого, кто попытается этому помешать, сотрут в порошок.

– Послушать тебя, получается, что наша промышленность ничем не лучше организованной преступности.

– По-моему, особой разницы в самом деле нет. Ладно, неважно. Я этим больше не занимаюсь, с меня хватит. – Вот дура! Люк заговорил о любви – а она умудрилась перевести разговор на политику. – А ты? – спросила она, возвращаясь к прежней теме. – Ты кого-нибудь любил?

– Даже не знаю, – с сомнением в голосе ответил он. – Наверное, я вообще не очень понимаю, что значит «любить».

Типично мужской ответ!.. Но в следующий миг он ее поцеловал, и Элспет расслабилась.

Ей нравилось прикасаться к нему во время поцелуев: кончиками пальцев гладить волосы, уши, затылок – нежно, словно касаниями крыльев бабочки. Иногда он отрывался от ее губ, чтобы с легкой улыбкой взглянуть на нее; в такие мгновения ей вспоминались слова Офелии из «Гамлета»: «Стал пристально смотреть в лицо мне, словно его рисуя»⁴. А потом вновь склонился к ее губам. «Что ж, – думала Элспет, – по крайней мере, я ему действительно нравлюсь».

– Не понимаю, – наконец произнес он, – почему говорят, что семья – это скучно! Ведь женатых людей ничто не отвлекает!

О, он заговорил о семье!

– Их отвлекают дети, – с улыбкой ответила Элспет.

– А ты хотела бы когда-нибудь иметь детей?

Элспет ощутила, что ее дыхание учащается. О чем он спрашивает?

– Конечно.

– Я хотел бы четырех.

Как и у него в семье!

– Мальчиков или девочек?

– И тех и других.

---

⁴ «Гамлет», акт II, сцена 1 (в переводе Т. Щепкиной-Куперник). (Прим. пер.)

Наступило молчание – Элспет боялась заговорить, чтобы не спугнуть мгновение. Пауза затягивалась. Наконец Люк поднял на нее серьезный взгляд.

– А ты что об этом думаешь? Четверо детей – как тебе?

Только этого Элспет и ждала!

– Разумеется, если они будут твоими, – со счастливой улыбкой ответила она.

В ответ он снова ее поцеловал.

В воздухе заметно холодало; они с неохотой развернулись и поехали к дому, в общежитие Рэдклиффа.

Когда они проезжали по Гарвард-сквер, кто-то помахал им с обочины.

– Энтони? – воскликнул Люк. – Что он здесь делает?

В самом деле, это был Энтони – и с ним Билли.

Люк приоткрыл окно, и Энтони подошел к машине.

– Какая удача, что я тебя поймал! Выручи меня, ладно?

Билли, дрожащая от холода, стояла у него за спиной; видно было, что она в ярости.

– Что вы здесь делаете? – спросила Элспет.

– У нас беда. Понимаете, друзья из Фенвея куда-то уехали на выходные. Наверное, перепутали даты. И теперь Билли некуда идти.

Ах да, вспомнила Элспет. Билли соврала о том, где проведет ночь, – и, если теперь явится в общежитие, ее обман раскроется.

– Я повез ее в Хаус. – Энтони говорил о Кембридж-Хаусе – мужском общежитии, где жил в одной комнате с Люком. – Думал, она поспит у нас, а мы с Люком проведем ночь в библиотеке.

– Да ты с ума сошел! – проговорила Элспет.

– Многие так делают, и обычно все прокатывается, – вставил Люк.

– Только не сейчас. Нас засекли.

– О господи! – воскликнула Элспет.

Студентка в комнате у студента, особенно ночью – серьезнейшее нарушение: за такое отчисляют обоих провинившихся.

– Кто вас видел? – быстро спросил Люк.

– Джефф Пиджон и с ним еще целая толпа.

– Ладно, Джефф не заложит... А еще кто?

– Я не уверен. Свет мы не включали, а они все были пьяные. Утром поговорю с ними.

Люк кивнул.

– Хорошо, но теперь-то что делать?

– У Билли есть двоюродный брат в Ньюпорте, на Род-Айленде, – сказал Энтони. – Не сможешь ли ты отвезти ее туда?

– Что? – воскликнула Элспет. – До Ньюпорта добрых пятьдесят миль!

– Ну да, дорога займет час-другой, – отмахнулся Энтони. – Так как же, Люк?

– Не вопрос, – ответил Люк.

Иного ответа Элспет и не ожидала. Она понимала, что для Люка помочь другу – дело чести. Почему же ее охватило такое раздражение?

– Спасибо, старина! – поблагодарил Энтони.

– Без проблем, – ответил Люк. – Хотя погоди, проблема есть. Машина-то у меня двухместная.

Элспет открыла дверь и вышла из машины.

– Садитесь, – коротко бросила она, сама стыдясь своей неприветливости. Что дурного в том, что Люк пришел на помощь другу в беде? И все же ей невыносима была мысль о том, что несколько часов он проведет в тесном салоне наедине с этой сексапильной штучкой – Билли Джозефсон!

– Элспет, – окликнул Люк, видимо, почувствовав ее раздражение, – возвращайся в машину, давай я сначала довезу тебя до общежития.

– Не стоит, – ответила она, с усилием натягивая маску любезности. – Энтони меня проводит. А вы, Билли, скорее садитесь, а то замерзнете до смерти.

– Ну, если ты уверена... – проговорил Люк.

Элспет от души пожалела о своем благородстве. Слишком уж легко он согласился!

– Не знаю, как вас благодарить! – воскликнула Билли, чмокнув Элспет в щеку. Затем села в машину и захлопнула дверь, даже не попрощавшись с Энтони.

Люк помахал им и тронулся с места.

Энтони и Элспет, стоя на тротуаре, смотрели, как «Форд» растворяется во тьме.

– Черт! – пробормотала Элспет.

6.30

На белоснежную стенку ракеты нанесены огромные черные буквы UE. Буквенно-цифровой код очень прост:

H U N T S V I L E X

1 2 3 4 5 6 7 8 9 0

Таким образом, UE означает номер ракеты – 29. Код придуман для того, чтобы не давать иностранным разведкам подсказок о количестве созданных ракет.

Над продрогшим городом занимался серый день. Люди выходили из домов, щуя глаза и морщась от пронзительного ветра и кусачего холода, поднимали воротники и почти бежали по улице, стремясь поскорее оказаться в своих офисах и магазинах, отелях и ресторанах – там, где тепло и светло.

Только Люку некуда было идти. Одна улица для него ничем не отличалась от другой, ибо ни с одной из них его ничто не связывало. Быть может, при следующем повороте за угол его озарит – он узнает место, где вырос, или здание, в котором работал... Увы, каждый поворот приносил ему лишь разочарование.

В бледном утреннем свете он разглядывал попадавшихся на пути прохожих. Что, если где-то среди них – отец, брат, сестра или, быть может, даже сын? Его не оставляла надежда, что какой-нибудь незнакомец, встретившись с ним взглядом, вдруг бросится к нему с расprostертыми объятиями, восклицая: «Люк, где ты пропадал? Что с тобой? Идем, я тебе помогу!» Впрочем, быть может, встреченный родственник отвернется от него с каменным лицом и пройдет мимо. А может статься, что все его родные живут где-нибудь в другом городе.

Нет, похоже, ему не повезет. Никто из прохожих не бросался с радостными криками навстречу, и в улицах, по которым он проходил, не ощущалось ничего знакомого. Просто бродить по городу, мечтая об удаче, – не лучшая стратегия. Нужен план. Должен же быть какой-то способ выяснить, кто он!

Вдруг он числится в списках пропавших без вести? Наверняка такие списки существуют. Где их искать? В полиции, разумеется.

Мимо отделения полиции он проходил несколько минут назад. Люк развернулся, чтобы направиться в обратную сторону, – и едва не сшиб с ног молодого человека в зеленом габардиновом плаще и такой же кепке. Где-то он его уже видел... Взгляды их встретились; на мгновение Люку показалось, что незнакомец его узнает, – но в следующий миг тот смущенно отвел глаза и пошел своей дорогой.

Проглотив разочарование, Люк решил пойти обратно по своим следам. Это было не так-то легко: он шел в задумчивости, сам не зная куда, сворачивая или переходя улицы по своей прихоти. Впрочем, рано или поздно полицейский участок ему на дороге попадется.

На ходу он пытался извлечь из памяти хоть какую-нибудь информацию о себе. Вот высокий мужчина в серой фетровой шляпе зажег сигарету и с наслаждением затянулся; глядя на него, Люк не ощутил желания закурить. Значит, в «прежней» жизни он не курил. Мимо проносились автомобили: Люк с удовольствием любовался их плавными очертаниями, низкой посадкой – и знал, что это новые модели. Мог даже назвать марку и модель. Эта безличная информация удержалась в его мозгу, как и умение говорить по-английски. Должно быть, в прошлой жизни ему нравилась быстрая езда, и теперь он не сомневался в том, что умеет водить машину.

Бросая взгляд на свое отражение в витринах, Люк видел там потрепанного бродягу без возраста. Однако, глядя на прохожих вокруг, он без труда мог примерно определить, сколько им лет – двадцать с чем-то, тридцать, сорок или еще больше. Более того: он заметил, что машинально делит встречных на тех, кто старше его и кто моложе. Задумавшись об этом, Люк сооб-

разил, что люди лет двадцати с небольшим кажутся ему молодыми, а старше сорока – старыми. Выходит, ему где-то между тридцатью и сорока.

Эти маленькие победы над амнезией сильно его приободрили.

Однако, задумавшись, он сбился с дороги. С неудовольствием Люк заметил, что оказался на захолустной улочке, полной дешевых лавчонок: магазины одежды с кричащими вывесками «Распродажа! Скидки!» поперек витрин, ломбарды, продуктовые лавки с консервами. Люк оглянулся, размышляя, куда идти дальше... и наткнулся взглядом на молодого человека в зеленом габардиновом плаще. Тот стоял у витрины, разглядывая выставленный в ней телевизор.

«Может быть, он за мной следит?» – нахмурясь, подумал Люк.

Шпик, ведущий слежку, всегда один; в руках у него обычно нет ни сумки, ни портфеля, и выглядит он как празднично слоняющийся бездельник. Тип в зеленом плаще под это определение подходил.

Впрочем, это несложно проверить.

Люк дошел до конца квартала, пересек улицу и пошел обратно по другой стороне. Дойдя до конца, остановился и посмотрел в обе стороны. Зеленый плащ маячил ярдах в тридцати от него. Люк снова перешел улицу. Чтобы не вызывать подозрений, он рассматривал подъезды, словно искал номер улицы и дома. Так он дошел до того места, откуда начал свой эксперимент.

Тип в зеленом плаще шел следом.

Сердце Люка забилось быстрее. Человек, следящий за ним, определенно что-то о нем знает. Может быть, знает, кто он?

Однако, несмотря на возбуждение, рассудительный голос в голове поинтересовался: «А откуда, интересно, тебе известно, как определить слежку?» Люк задумался. Трудно сказать. Может быть, он сам за кем-то следил, прежде чем стать бродягой?

Ладно, об этом подумает позже. А сейчас ему нужна остановка автобуса. В карманах потрепанного пальто и брюк не было ни цента: наверняка вчера он все до последнего гроша истратил на выпивку. Но не беда. Мелочь вокруг повсюду: в карманах у людей, в магазинах, в такси.

Теперь Люк смотрел вокруг себя уже другими глазами. Подмечал газетные киоски, которые можно ограбить, сумки, которые можно вырвать из рук, карманы, которые можно обчистить. Заглянул в небольшую кофейню – увидел крепкого мужчину, стоящего за стойкой, и официантку, обслуживающую столики. Что ж, место не хуже любого другого. Он толкнул дверь и вошел.

Обшарил взглядом столики, надеясь, что там найдутся оставленные чаевые. Ничего. Люк подошел к стойке. Здесь громко хрипело радио – передавали утренние новости: «По утверждениям экспертов, это наш последний шанс сравняться с русскими в гонке за освоение космического пространства...» Бармен за стойкой делал эспрессо: от сверкающей кофемашины валил пар, и от аппетитного запаха у Люка едва слюнки не потекли.

Что должен сказать бродяга?

– Эй, у вас черствой булочки не найдется? – спросил он.

– Вали отсюда! – пробурчал бармен.

Люк подумал было о том, чтобы перепрыгнуть через стойку и вскрыть кассу – но нет, это уж слишком. Ему нужно всего-то несколько центов на автобусный билет!.. В следующий миг он увидел то, что искал. Возле кассы, совсем рядом с ним, стоял ящик с щелью в крышке, а на нем – фотография ребенка и надпись: «Поможем незрячим!» Люк сдвинулся так, чтобы своим телом загородить ящик от бармена и официантки. Оставалось лишь отвлечь бармена.

– А может, пару центов дадите? – жалобно протянул он.

– Ну ладно! – угрожающе проговорил бармен. – Сам напросился! – И, со стуком поставив кофейную кружку на стойку и вытерев ладони о передник, нырнул под стойку.

Пролезая под стойкой, он не видел Люка – а Люку это и было нужно! Он схватил ящик для пожертвований и сунул за пазуху. Ящик был легким, но все же в нем что-то звякнуло, значит, не совсем пустым.

Бармен схватил Люка за ворот и потащил к дверям. Люк не сопротивлялся, пока у самого порога бармен не пнул его коленом под зад. Тут, забыв о своей роли, Люк резко повернулся, сжав кулаки. Бармен изменился в лице и поспешно юркнул в кафе; Люку показалось, что он испугался.

«А почему, собственно, я так разозлился?» – спросил себя Люк. Он попросил милостыню – и не ушел, когда ему велели уйти. Быть может, пинок под зад был лишним – но ведь он это заслужил: в конце концов, он стащил деньги, предназначенные для слепых детишек!

И все же ему стоило немалых усилий скрыть гордость, повернуться и, низко опустив голову, с видом побитой собаки побрести прочь.

Нырнув в безлюдный проезд между домами, Люк подобрал с земли острый камень и принялся потрошить свою добычу. Вскоре ящик поддался. Внутри были мелкие монетки, в основном по одному центу, – всего доллара два или три. Люк сунул их в карман и вернулся на улицу. Спасибо небесам за благотворительность, подумал он. Выберусь из этой передраги – непременно пожертвую слепым три доллара!

Или нет, лучше тридцать.

У киоска, уткнувшись в газету, стоял тип в зеленом плаще.

В нескольких ярдах от Люка остановился автобус. Куда он едет, Люк понятия не имел, – но это было и неважно. Он вошел. Водитель хмуро на него покосился, однако выгонять не стал.

– Мне выходить через три остановки, – сказал Люк.

– Неважно, когда выходить, – проворчал водитель. – Если у тебя нет проездного, то билет стоит семнадцать центов.

Люк расплатился украденной мелочью.

Пробираясь в заднюю часть автобуса, он бросил взгляд в окно, ища глазами своего преследователя. Человек в зеленом плаще шагал прочь, зажав газету под мышкой. Люк нахмурился. Выходит, он за ним вовсе не следил? Шпик сейчас старался бы поймать такси... «Да, должно быть, мне показалось», – разочарованно подумал Люк.

Автобус тронулся, и Люк сел на свободное место.

Он вновь задумался о том, откуда все это знает. Определенно, он где-то учился следить за людьми или уходить от слежки. Но где? Может быть, он служил в полиции? Или это как-то связано с войной... А чем, интересно, он занимался на войне? Люк помнил, что несколько лет назад была война: Америка воевала с Германией в Европе и с Японией на Тихом океане, – однако даже не представлял, чем занимался в это время он сам.

На третьей остановке он вышел вместе с еще несколькими пассажирами. Огляделся. Такси поблизости не было, типа в зеленом плаще – тоже. Один из пассажиров, вышедших вместе с ним, подошел к дверям магазина и начал рыться в карманах. На глазах у Люка он достал сигарету, чиркнул спичкой и с наслаждением затянулся.

Это был высокий человек в серой фетровой шляпе.

Люк понял, что сегодня его уже видел.

7.00

Стартовая площадка – это, по сути, огромный стальной стол на четырех ногах и с отверстием в середине, через которое проходит реактивная струя. Конический отражатель под «столом» гарантирует горизонтальное отклонение реактивной струи.

Энтони Кэрролл ехал по Конститушн-авеню на пятилетнем «Кадиллаке Эльдорадо», доставшемся ему от матери. Позаимствовал его год назад, чтобы добраться до Вашингтона из Вирджинии, где жил вместе с родителями, – и так и не собрался вернуть. Ничего, мама наверняка уже купила себе другую машину.

Он заехал на парковку возле Корпуса Кью в Алфавитном Ряду – длинной веренице мрачных, похожих на бараки строений, во время войны наспех выстроенных в парке неподалеку от Мемориала Линкольна. Хотя здания не радовали глаз, Энтони они нравились: ведь большую часть войны он провел здесь, в работе на Управление стратегических служб – организацию, из которой впоследствии выросло ЦРУ. Добрые старые деньки, когда секретные агенты могли творить что хотели – ну, почти, – и ни перед кем, кроме президента, не отчитывались.

Штат ЦРУ рос быстрее, чем у любой другой правительственной организации, и на том берегу Потомака, в Лэнгли, для него уже возводилась новая штаб-квартира стоимостью во много миллионов долларов. Когда ее достроят, знал Энтони, Алфавитный Ряд будет снесен.

Против переезда в Лэнгли Энтони боролся что есть сил – и не только потому, что с Алфавитным Рядом у него были связаны дорогие воспоминания. Сейчас ЦРУ занимало тридцать одно здание, и Энтони доказывал, что так должно быть и впредь. Пока разведывательное управление разбросано на целый квартал, иностранным разведкам трудно оценить его ресурсы и масштабы деятельности. Если же оно будет располагаться в одном-двух зданиях, чтобы понять, сколько людей там работает, достаточно будет разок проехать мимо.

Увы, этот спор Энтони проиграл. Большие шишки из правительства предпочитали держать ЦРУ под одной крышей – так легче было за ним присматривать. Энтони считал, что секретная служба – для отчаянных парней, настоящих сорвиголов. В годы войны так оно и было. Теперь же в его вотчине правили бал счетоводы и канцелярские крысы.

На парковке у Энтони было свое место, под табличкой: «Руководитель Службы технического обеспечения», однако сегодня он плюнул на правила и припарковался прямо возле крыльца. Подняв глаза на уродливое здание перед собой, он задумался о том, не будет ли его снос означать конец эпохи. Все чаще он проигрывает бюрократические битвы – хоть и по-прежнему остается в Управлении очень влиятельной фигурой. «Служба технического обеспечения» – не что иное, как эвфемизм для подразделения, занятого взломами, прослушиванием телефонов, испытанием запрещенных веществ, – словом, теми сторонами секретной службы, которые закон не одобряет. Неофициальное его название – «Департамент грязных трюков». Энтони занял свое положение отчасти благодаря военному послужному списку, отчасти – из-за нескольких удачных операций в годы холодной войны. Но времена изменились, и теперь многие хотят, чтобы ЦРУ в самом деле превратилось в то, чем воображают его обыватели: простое агентство по сбору информации!

Только через мой труп, думал Энтони.

Однако кругом враги. Чинуши, не любящие его за склонность говорить правду в глаза, слабые, некомпетентные агенты, обиженные на то, что он не дает им продвигаться по службе, канцелярские крысы, недовольные уже тем, что секретная служба занимается – вы только подумайте! – секретными операциями... Все только и ждут, когда он споткнется, чтобы накинуться на него и разорвать.

И сейчас он, как никогда, близок к провалу.

Входя в здание, Энтони отбросил все посторонние заботы и сосредоточился на главной проблеме. Доктор Клод Люкас, для друзей Люк. Самый опасный человек в Америке. Человек, поставивший под угрозу все, ради чего Энтони живет.

Большую часть ночи Энтони провел у себя в кабинете, домой вернулся только побриться и сменить рубашку. Неудивительно, что охранник в холле встретил его изумленным возгласом:

– Доброе утречко, мистер Кэрролл! Как, уже вернулись?

– Во сне мне явился ангел и сказал: «А ну-ка быстро за работу, бездельник!» Доброе утро. Охранник рассмеялся.

– Сэр, вас ждет мистер Макселл.

Энтони нахмурился. Пит Макселл должен быть сейчас с Люком. Что-то пошло не так?

Он взбежал по лестнице.

Пит Макселл сидел в кресле напротив стола Энтони – все еще в тряпье бродяги, разводы грязи на лице частично скрывали родимое пятно. Увидев Энтони, Пит вскочил с испуганным видом.

– Что случилось?

– Люк заявил, что хочет побыть один.

Этого Энтони и ожидал.

– Кто за ним следит?

– Саймонс, Беттс на подхвате.

Энтони задумчиво кивнул. От одного агента Люк избавился; где гарантия, что он не сумеет избавиться и от остальных?

– А как его память?

– Вообще ничего не помнит.

Энтони снял пальто и сел за стол. Он догадывался, что с Люком без проблем не обойдется, и услышанное не застало его врасплох.

Он взглянул на своего собеседника. Пит – неплохой агент, толковый и внимательный. Правда, неопытный – но этот быстро проходящий недостаток с лихвой искупает его фанатичная преданность Энтони. Все молодые агенты знали, что Энтони лично организовал легендарное убийство – в сочельник 1942 года в Алжире его подчиненные ликвидировали одного из вишистских вождей, адмирала Дарлана⁵. Агентам ЦРУ убивать случалось не часто, так что на Энтони смотрели с некоторым трепетом. Но у Пита была и особая, личная, причина для преданности. Заполняя анкету при поступлении на службу, он написал, что никогда не имел проблем с полицией. Однако, как выяснил позже Энтони, это была ложь: еще студентом в Сан-Франциско Пит попался с проституткой и заплатил штраф. По правилам, его следовало уволить, – но Энтони не стал следовать правилам, и Пит был ему за это благодарен.

Теперь он сидел жалкий, пристыженный, чувствуя, что подвел обожаемого шефа.

– Не волнуйся, – отеческим тоном проговорил Энтони. – Просто расскажи, что произошло, и как можно подробнее.

На лице Пита отразились благодарность и облегчение.

– Проснулся он в панике. Поначалу ничего не соображал, кричал в голос: «Кто я?» и все такое. Я его успокоил... правда, при этом сделал ошибку. Назвал его Люком.

Энтони специально предупреждал Пита: не выдавать никакой информации.

– Ладно, ничего страшного. Все равно на самом деле его зовут по-другому.

---

⁵ Убийство адмирала Жана-Луи-Ксавье-Франсуа Дарлана (1881–1942), одного из лидеров вишистского режима во Франции – историческое событие. Дарлана застрелил в его штаб-квартире участник французского Сопротивления Фернан де ла Шапель, как считается, действовавший в одиночку. (Прим. пер.)

– Потом он спросил, кто я, и я ответил: «Пит». Само собой выскочило. Я не думал, что говорю, хотел только, чтобы он успокоился и перестал орать, – погибая от стыда, продолжал Пит.

Однако Энтони только отмахнулся – все это не смертельные ошибки.

– Что дальше?

– Как мы и планировали, я повел его в благотворительную столовую. Но там он начал задавать вопросы – и очень неглупые. Спросил пастора, видел ли тот его раньше.

– Не стоит удивляться, – кивнул Энтони. – Во время войны он был нашим лучшим агентом. Память он потерял, но инстинкты и навыки остались при нем.

– Я старался отвлечь его от копания в прошлом, а он, кажется, это понял и сказал мне, что хочет побыть один.

– Ему удалось что-то узнать о себе? Может быть, произошло что-то такое, что могло бы натолкнуть его на истину?

– Нет. Хотя он читал статью в газете о космической программе, ничего в связи с ней не вспомнил.

– Кто-нибудь заметил в нем что-то необычное?

– Пастор удивился, что Люк сумел разгадать кроссворд. Бродяги чаще всего даже читать не умеют.

Да, сложная задачка мне досталась, подумал Энтони.

– Где Люк сейчас?

– Не знаю, сэр. Стив обещал позвонить, когда удастся.

– Как только позвонит, возвращайся туда и присоединяйся к нему. Что бы ни случилось, Люк не должен от нас ускользнуть.

– Хорошо, сэр.

В этот миг на столе у Энтони зазвонил белый телефон. Прямая линия. Он нахмурился: не так уж много людей знали этот номер.

Энтони снял трубку.

– Это я, – слышался в трубке голос Элспет. – Что случилось?

– Расслабься, – ответил он. – Все идет по плану.

7.30

Длина ракеты – 64 фута и 7 дюймов, вес – 64 тысячи фунтов. Однако большую часть ее составляет топливо. В самом спутнике всего лишь 2 фута 10 дюймов в длину, и весит он не больше 18 фунтов.

Люк шел по Восьмой улице на юг, а соглядатай следовал за ним.

Уже совсем рассвело, и в бледном свете дня Люк без труда различал в толпе на углах улиц или на автобусных остановках серую фетровую шляпу. Однако, когда он перешел Пенсильвания-авеню, шляпа исчезла из виду. Быть может, ему все-таки почудилось? Он проснулся в загадочном мире, где правдой может оказаться все, что угодно. Наверное, то, что за ним «хвост» – всего лишь фантазия. Впрочем, минуто спустя из булочной на другой стороне улицы вынырнул зеленый габардиновый плащ.

– Тоi, encore! – пробормотал себе под нос Люк.

«Снова ты!» Почему, интересно, он сказал это по-французски?.. Неважно, сейчас есть более насущные задачи. Итак, за ним следят. Следят сразу двое, и вполне профессионально.

Если Габардин и Фетр – копы, значит, он преступник? Вчера в пьяном виде кого-нибудь убил? Возможно, они из КГБ или ЦРУ – хоть и маловероятно, чтобы бездомный бродяга оказался замешан в шпионаже. А может быть, все гораздо прозаичнее: много лет назад он бросил жену, теперь она решила развестись и наняла частных детективов, чтобы получить подтверждение тому, как он опустился (причем она-то в семье и говорила по-французски)?

Все варианты трудно было назвать привлекательными – и все же Люк чувствовал душевный подъем. Этим людям известно, кто он! Раз они за ним следят, значит, что-то о нем знают! Уж во всяком случае, знают больше, чем он сам.

Надо разбить эту парочку, а затем потолковать начистоту с тем, что помоложе.

Люк зашел в табачную лавку и купил пачку «Пэлл-Мэлл», расплатившись украденной мелочью. Когда он вышел, Габардин уже исчез, его место снова занял Фетр. Люк дошел до конца квартала и свернул за угол.

Здесь у тротуара стоял грузовичок с яркой эмблемой «Кока-колы»: водитель выгружал из кузова ящики с газировкой и заносил их в закусочную. Люк вышел на проезжую часть и спрятался за дальним бортом грузовика, расположившись так, чтобы видеть улицу, а самому не попадаться на глаза тем, кто сворачивает из-за угла.

Минуто спустя появился Фетр. Шел он быстро, озираясь по сторонам. Люк припал к земле и заполз под грузовик. Из-под машины ему были видны синие брюки и коричневые «оксфордские» ботинки преследователя.

Шпик ускорил шаг, не понимая, куда исчез его «объект». Потом развернулся и пошел назад. Скрылся в закусочной, минуто спустя снова оттуда вышел. Обошел вокруг грузовика, ничего не обнаружил и, вернувшись на тротуар, торопливо, почти бегом, бросился прочь.

Люк мысленно поздравил себя. Неизвестно где, однако ж научился играть в эти шпионские игры!.. Он выполз из-под грузовика со стороны капота и встал. Осторожно выглянул из-за крыла машины. Фетр торопливо удалялся.

Люк пересек тротуар и свернул за угол. У входа в магазин электроприборов уставился на проигрыватель ценой в восемьдесят баксов, достал пачку сигарет, извлек одну – и стал ждать, не сводя глаз с отражения улицы в стекле витрины.

Вскоре появился Габардин.

Он был высок, спортивного сложения и молод. Инстинкты Люка подсказали ему, что этот парень не слишком опытен.

Заметив Люка, он даже вздрогнул от неожиданности. Люк повернулся и посмотрел ему в глаза. Парень в зеленом плаще поспешно отвел взгляд и продолжил путь по краешку тротуара, явно стараясь избежать встречи, – что, впрочем, было вполне естественно, если вспомнить, что Люк выглядел как грязный бродяга.

Сунув в рот сигарету, Люк шагнул ему наперерез.

– Эй, огоньку не найдется?

Габардин застыл на месте, явно не понимая, что делать, и забегал глазами по сторонам.

– Найдется, отчего же нет, – ответил он нарочито небрежным тоном, извлек из кармана плаща коробок спичек и зажег одну.

Люк вынул изо рта сигарету и спросил:

– Ты ведь знаешь, кто я, верно?

На лице у парня отразился настоящий ужас. Чему бы ни учили его на занятиях по наружному наблюдению, – к тому, что «объект» устроит ему допрос, жизнь его явно не подготовила. Он воззрился на Люка, словно на привидение. Спичка догорела у него в руке; лишь тогда шпик уронил ее наземь и ответил:

– Не понимаю, о чем ты, приятель.

– Ты следишь за мной. Ты должен знать, кто я.

– Э-э... вы хотите мне что-то продать? – поинтересовался Габардин, по-прежнему делая вид, что ничего не понимает.

– А я похож на коммивояжера? Ну, давай, выкладывай!

– Я ни за кем не слежу!

– Ты уже час таскаешься за мной по пятам!

Молодой человек, как видно, принял решение.

– Вы сумасшедший, – твердо сказал он и попытался пройти мимо.

Люк преградил ему путь.

– Позвольте пройти! – проговорил Габардин.

Но Люк не собирался его отпускать. Он схватил шпика за отвороты габардинового плаща и приложил к витрине магазина с такой силой, что стекло задребезжало. Досада и гнев взяли над ним верх.

– *Putain de merde!*⁶ – прорычал он.

Габардин был моложе Люка и, пожалуй, в лучшей форме, – однако не сопротивлялся.

– Убери от меня руки, черт побери! – потребовал он, стараясь сохранять спокойствие. – Я за тобой не слежу!

– Кто я? – закричал ему в лицо Люк. – Скажи мне, кто я!

– Мне-то откуда знать? – Он схватил Люка за запястья.

На миг Люк отпустил его – лишь для того, чтобы схватить за горло.

– Нет, ты мне скажешь, что здесь происходит!

Габардин потерял самообладание и вцепился в руки Люка, пытаясь оторвать их от своего горла. Когда это не удалось, принялся бить его под ребра. Первый удар вышел довольно чувствительным, и Люк поморщился – но не ослабил хватку и придвинулся ближе, так что следующим ударам уже не хватало размаха. Он вдавил большие пальцы в горло шпика, пережимая ему доступ воздуха. Габардин закашлялся, глаза его вылезли из орбит.

За спиной у Люка послышался обеспокоенный голос какого-то прохожего:

– Эй, что здесь происходит?

Внезапно Люк опомнился. Что он делает? Он едва не задушил этого парня! Неужели он убийца?

---

⁶ Грубое французское ругательство. (Прим. пер.)

Хватка ослабела, и Габардин разжал его пальцы. Люк не сопротивлялся: он уронил руки, потрясенный и полный отвращения к себе.

Парень в зеленом плаще попятился.

– Большой убудок! – проговорил он, все еще со страхом в голосе и в глазах. – Ты меня чуть не убил!

– Мне нужна правда. И я знаю, что ты можешь сказать мне правду.

Габардин потер горло.

– Сукин сын! – продолжал он. – Псих долбанутый! Ничего я о тебе не знаю – и знать не хочу!

Люк ощутил, как закипает от гнева.

– Лжешь! – вскричал он, вновь протягивая руки, чтобы его схватить.

Человек в габардиновом плаще повернулся и бросился бежать.

Погнаться за ним?.. Люк заколебался. Предположим, догонит – и что дальше? Как заставить его сказать правду? Пытать?

В любом случае было уже слишком поздно. Трое прохожих, остановившихся посмотреть на потасовку, теперь пялились на Люка с почтительного расстояния. Оставалось лишь развернуться и пойти в другую сторону.

Люк чувствовал себя еще хуже прежнего: взрыв ярости оставил слабость и дрожь в теле, а его результаты – горькое разочарование. Он встретил двух людей, возможно, знающих, кто он такой, – и умудрился ровно ничего от них не узнать!

«Отличная работа, Люк! – сказал он себе. – Потрясающий успех!»

8.00

У ракеты «Юпитер-С» четыре ступени. Первая, самая крупная – модифицированная ступень баллистической ракеты «Редстоун», – не что иное, как невероятно мощный двигатель, которому предстоит поистине титаническая задача: освободить ракету из пут земного тяготения.

Доктор Билли Джозефсон снова опаздывала на работу.

Она разбудила маму, помогла ей встать, облачиться в стеганный халат и надеть слуховой аппарат, и усадила ее на кухне за чашкой кофе. Разбудила семилетнего сына Ларри, похвалила за то, что сегодня он не намочил постель, сказала: нет, принять душ нужно все равно. И вернулась на кухню.

Мама – маленькая, пухлая семидесятилетняя старушка, которую все звали просто Бекки-Ма – как обычно, включила радио на полную громкость. По радио Перри Комо распевал «Поймай упавшую звезду». Билли нарезала хлеб тонкими ломтиками и сунула их в тостер, затем поставила на стол масло и виноградный конфитюр для мамы. Для Ларри насыпала в тарелку кукурузных хлопьев, порезала сверху банан и залила молоком.

Торопливо сделав бутерброд с арахисовым маслом и джемом, положила его в коробочку для ланча – вместе с яблоком, шоколадным батончиком «Херши» и бутылочкой апельсинового сока. Сунула все это Ларри в ранец, добавив книгу для домашнего чтения и бейсбольную перчатку – подарок отца.

По радио музыка сменилась разговором: репортер брал интервью у туристов, съехавшихся на мыс Канаверал в надежде увидеть запуск первого американского спутника Земли.

Появился Ларри; шнурки не завязаны, рубашка застегнута криво. Билли помогла ему одеться как следует, усадила за стол, а сама принялась чистить вареные яйца.

Четверть девятого – а она уже чувствует себя загнанной лошастью! Билли любила и сына, и мать, но втайне тяготилась необходимостью постоянно о них заботиться.

По радио репортер теперь расспрашивал какого-то военного.

– Скажите, – спрашивал он, – не угрожает ли этим туристам опасность? Что, если ракета сойдет с курса и рухнет прямо на побережье?

– Такой опасности нет, сэр, – отвечал его собеседник. – В каждую ракету встроен механизм самоликвидации. Если она отклонится от намеченного курса, мы взорвем ее прямо в воздухе.

– Как же вы ее взорвете, если она уже покинет землю?

– Взрывное устройство включается радиосигналом, подать который вправе лишь высокопоставленный сотрудник службы безопасности.

– Но это само по себе вызывает тревогу. Что, если ракета взорвется случайно, поймав какие-нибудь радиопомехи?

– Такое совершенно невозможно, сэр! Взрывное устройство реагирует лишь на сложный сигнал, нечто вроде кода. Ракеты стоят огромных денег, так что мы постарались исключить любой риск...

– Мама, – заговорил вдруг Ларри, – а мы сегодня на уроке труда будем делать ракеты! Можно мне взять с собой бутылку из-под йогурта?

– Нельзя, мы еще не допили.

– Ой! А что же мне взять? Мисс Пейдж велела обязательно принести какие-нибудь бутылочки или коробочки!

– Зачем?

– Ну для ракеты! Мисс Пейдж еще на прошлой неделе велела обязательно принести! – Рот у Ларри искривился, глаза наполнились слезами с той внезапностью, как это бывает у семилеток.

Билли вздохнула.

– Ларри, если бы ты мне об этом сказал на той неделе, я бы тебе сейчас выдала целую гору бутылок и коробок! Сколько раз повторять: не откладывай дела до последней минуты!

– Ну ма-а-ам! Что же мне делать?

– Ладно, сейчас что-нибудь придумаем. Йогурт я перелью в чашку, и еще... какие банки и коробки тебе нужны?

– В форме ракеты!

Интересно, подумала Билли, когда учителя как бы между прочим просят детей принести на урок то, это и еще вон то – они представляют себе, какую работу задают и без того занятым матерям?

Она намазала маслом тосты, разложила их по тарелкам, добавила яйца – но вместо того, чтобы сесть вместе с родными за стол, бросилась искать что-нибудь «в форме ракеты». Итогом долгих поисков стала пустая упаковка из-под моющего средства – пожалуй, для ракеты сойдет, пластиковая бутылочка от жидкого мыла, картонная коробочка из-под мороженого и жестяная баночка в форме сердечка из-под шоколадных конфет.

Почти со всех упаковок на нее смотрели рекламные портреты счастливых семей: очаровательная мать-домохозяйка, двое счастливых детишек и на заднем плане – благодушный папа с трубкой. Мало что так раздражало Билли, как этот стереотип. У нее самой такой семьи никогда не было. Отец, бедный портной из Далласа, погиб, когда Билли была еще ребенком, и Бекки-Ма одна, в беспросветной бедности, поднимала пятерых детей. А сама Билли развелась с мужем, когда Ларри было всего два года. И вокруг себя она видит множество одиноких матерей: вдовы, разведенные или те, кого в былые времена именовали «падшими женщинами»... Такие семьи не рисуют на обертках.

Она сложила все, что нашла, в пакет и вручила Ларри.

– Ух ты! – воскликнул мальчик. – Наверняка никто больше столько не принесет! Спасибо, мам!

Завтрак Билли безнадежно остыл – что ж, зато Ларри был доволен.

За окном послышался автомобильный гудок, и Билли бросила на себя торопливый взгляд в зеркало, вделанное в дверцу буфета. Безразмерный розовый свитер, темные кудри небрежно зачесаны назад, никакой косметики, если не считать забытую с вечера подводку для глаз... и все же, пожалуй, она еще вполне ничего.

Задняя дверь распахнулась, и на кухню влетел Рой Бродски, лучший друг Ларри. Мальчишки бросились навстречу друг другу так радостно, словно месяц не виделись. Любопытно, подумала Билли, что теперь Ларри дружит только с мальчиками. А ведь в детском саду мальчики и девочки играли вместе. Что за психологический механизм побуждает детей после пяти лет предпочитать общество своего пола?

Вслед за Роем вошел его отец Гарольд, симпатичный мужчина с добрыми карими глазами. Гарольд Бродски преподавал химию в университете Джорджа Вашингтона. Он был вдовцом: мать Роя погибла в аварии. Гарольд и Билли уже некоторое время встречались.

– Боже мой, ты сегодня великолепна! – воскликнул Гарольд, глядя на нее влюбленными глазами. Билли улыбнулась и подставила щеку для поцелуя.

Как и Ларри, Рой тащил с собой целый мешок банок, коробок и картонок.

– Тебе тоже пришлось опустошить половину упаковок на кухне? – с улыбкой спросила Билли у Гарольда.

– Да. И кукурузные хлопья, и шоколад, и плавленый сыр теперь разложены по тарелкам и прикрыты крышками. А у шести рулонов туалетной бумаги не хватает картонных вкладышей в середине.

– Вот черт, а мне и в голову не пришло! – воскликнула Билли.

Гарольд рассмеялся.

– Знаешь, я тут подумал... не хочешь сегодня поужинать у меня?

– Собираешься что-то приготовить? – удивилась Билли.

– Не совсем. Попрошу миссис Райли сделать запеканку, а вечером ее разогрею.

– Хорошо, – ответила Билли, немного удивленная.

До сих пор Гарольд не приглашал ее к себе. Обычно они ходили в кино, или на концерты классической музыки, или на вечеринки с коктейлями к другим университетским профессорам. Интересно, почему сегодня он решил пригласить ее в гости?

– Рой вечером идет на день рождения к своему двоюродному брату и останется там ночевать. Так что мы сможем спокойно поговорить.

– Ладно... – протянула Билли.

Спокойно поговорить, разумеется, можно и в ресторане. Видимо, у Гарольда есть иная причина пригласить ее к себе домой, когда Роя всю ночь не будет. Билли подняла на него глаза и встретила с открытым, честным взглядом.

– Договорились! – ответила она.

– Отлично. Заеду за тобой около восьми. Пошли, ребята! – И Гарольд вывел мальчишек через заднюю дверь на улицу.

Ларри исчез за дверью, даже не сказав «до свиданья» – признак, по которому можно было понять, что у него все хорошо. Билли знала: если он становится очень вежливым или начинает липнуть к матери – это верный знак, что чем-то встревожен или заболевает.

– Хороший человек Гарольд, – заметила ее мать. – Лучше бы тебе выйти за него замуж поскорее, пока он не передумал!

– Он не передумает, мама.

– И все же не тяни. Знаешь, как говорится: от добра добра не ищут.

– От тебя ничего не скроешь, верно, ма? – улыбнулась Билли.

– Может быть, я и старуха, но из ума еще не выжила!

Билли убрала со стола и выкинула свой остывший завтрак в мусорное ведро. Торопливо заправила постели – свою, Ларри и мамину, бросила в корзину грязное белье. Показав корзину матери, сказала:

– Мама, видишь? Когда зайдет человек из прачечной, просто отдай ему все это. Договорились?

– Билли, – сказала вдруг ее мать, – а ведь у меня кончились таблетки от сердца!

– Вот черт! – Обычно Билли не ругалась при матери, но сегодня ее терпение было на исходе. – Мама, у меня очень много работы. Когда я еще должна бежать в аптеку?

– Но что же мне делать? Они кончились!

Больше всего раздражало Билли то, с какой скоростью ее мать переходила от роли проныцательной, все понимающей родительницы к роли беспомощного ребенка.

– Почему ты не сказала мне вчера? Вчера я ходила за покупками, заодно зашла бы и в аптеку! Я не могу бегать по магазинам каждый день, я работаю!

На глазах у Бекки-Ма заблестели слезы – и Билли немедленно раскаялась в своей резкости.

– Прости, мама, – устало и виновато проговорила она.

В последнее время Бекки-Ма плакала из-за любой ерунды – совсем как Ларри. Пять лет назад, когда они поселились здесь втроем, мама очень помогала Билли с сыном, но теперь с тру-

дом справлялась с ним даже пару часов. В самом деле, мелькнуло в голове у Билли, насколько же все станет проще, если они с Гарольдом поженятся!

Зазвонил телефон. Билли успокаивающе погладила мать по плечу и сняла трубку.

Звонил Берн Ротстен, ее бывший муж. После развода они остались друзьями: Берн заходил два-три раза в неделю, чтобы пообщаться с Ларри, и охотно выплачивал свою долю расходов на сына.

– Привет, Берн. Что-то ты рано поднялся!

– Да... Скажи, пожалуйста, Люк тебе не звонил?

Такого вопроса она совсем не ожидала.

– Люк Люкас? В последнее время? Нет, а что? Что-то случилось?

– Не знаю. Может быть.

Берна и Люка связывала многолетняя дружба-вражда. В молодости они вели бесконечные споры о политике, и порой казалось, что готовы вцепиться друг другу в глотки – однако и в колледже, и после, во время войны, оставались очень близки.

– Что стряслось? – спросила Билли.

– Он позвонил мне в понедельник. Я удивился – давненько ничего о нем не слышал.

– Я тоже. – Билли напрягла память. – Последний раз я его видела пару лет назад.

«Как давно!» – мелькнуло у нее в голове. Почему же она так легко отказалась от их старой дружбы? Слишком была занята. Дела, дела, дела... вот так и жизнь проходит мимо.

– А я получил от него письмо прошлым летом, – ответил Берн. – Он писал, что читает племяннику мои книги. – Берн стал детским писателем: его серия книг о приключениях шалопаев-близнецов имела большой успех. – И сам тоже над ними смеется. Очень теплое было письмо.

– Так зачем же он тебе позвонил?

– Сказал, что приезжает в Вашингтон и хочет со мной увидеться. Мол, кое-что произошло.

– Он объяснил, что именно?

– Нет. Сказал только: «Помнишь, чем мы занимались на войне? Вот это из той же оперы».

Билли нахмурилась, встревоженная. Во время войны Люк и Берн служили в разведке – работали за линией фронта, помогали французскому Сопротивлению. Но в 1946 году все это закончилось... или нет?

– Как ты думаешь, что он имел в виду?

– Ума не приложу. Он сказал, что, как только приедет в Вашингтон, мне позвонит. В понедельник вечером зарегистрировался в отеле «Карлтон». Сегодня среда, а он так и не позвонил. И вчера не ночевал у себя в номере.

– Откуда ты знаешь?

Берн нетерпеливо фыркнул.

– Билли, ты ведь тоже служила в разведке! Что бы ты сделала на моем месте?

– Наверное, заплатила бы пару баксов горничной за информацию.

– Вот именно. Его не было всю ночь, и он до сих пор не вернулся.

– Ну, может, просто... загулял?

– По-моему, весьма маловероятно.

Берн был прав. Люк отличался страстным темпераментом, но в сексе его привлекало не разнообразие, а сила чувств. Кому, как не Билли, об этом знать?

– Да, наверное, ты прав, – согласилась она.

– Позвони мне, если он вдруг появится, хорошо?

– Конечно.

– Увидимся.

– Пока.

Билли повесила трубку и медленно опустилась на табурет. Повседневные дела были забыты; она вспоминала Люка.

1941

Машина мчалась по шоссе 138, что разрезает Массачусетс и бежит на юг, к Род-Айленду. Облака рассеялись, и дорогу ярко освещала полная луна. Обогревателя в стареньком «Форде» не было: Билли подняла воротник пальто, укуталась шарфом и натянула перчатки; ноги у нее совсем заоченели. Хотя, пожалуй, стоило померзнуть ради того, чтобы провести два часа в машине рядом с Люком Люкасом – пусть он и не ее парень. Красивые мужчины, с которыми Билли приходилось иметь дело до сих пор, раздражали ее смешной и утомительной самовлюбленностью; но этот красавчик, как видно, исключение из правила.

Иные гарвардские студенты рядом с привлекательными женщинами нервничают: не вынимают сигареты изо рта, или начинают прихлебывать из фляжки, или беспрерывно приглаживают волосы и поправляют галстук. Иное дело Люк: он уверенно вел машину, держался спокойно и непринужденно поддерживал беседу. Шоссе в этот поздний час было почти пустым, так что он нередко отводил взгляд от дороги и смотрел на свою собеседницу.

Сперва они говорили о войне в Европе. Как раз сегодня утром во дворе Рэдклиффа прошли студенческие дебаты: сторонники вторжения страстно доказывали, что Америка должна вступить в войну, сторонники изоляции с тем же пылом защищали противоположную точку зрения. Обе стороны развернули плакаты и раздавали листовки с изложением своих взглядов. Послушать их собралась целая толпа – мужчины и женщины, студенты и преподаватели. Спор не был отвлеченным – все понимали, что студенты Гарварда, попав на фронт, скорее всего погибнут там первыми.

– У меня в Париже есть родственники, – говорил Люк. – Я хотел бы, чтобы мы высадили туда войска и им помогли. У меня с немцами личные счеты.

– У меня тоже – я ведь еврейка, – ответила Билли. – Но, чем отправлять американцев умирать в Европу, я бы лучше открыла страну для беженцев. Лучше спасать людей, чем убивать!

– Вот и Энтони так говорит.

Билли поджала губы, вспомнив сегодняшнее происшествие.

– Не могу тебе передать, как я зла на Энтони! – призналась она. – Почему он не мог нормально обо всем договориться и убедиться, что его друзья будут дома?

Она ждала, что Люк ей посочувствует, однако тот ее разочаровал.

– По мне, оба вы были не слишком осторожны, – заметил он с несомненной ноткой упрека в голосе.

Билли почувствовала себя задетой, но проглотила резкий ответ, просившийся на язык, – в конце концов, она у Люка в долгу.

– Ты защищаешь своего друга, и это правильно. И все равно он обязан был подумать о моей репутации!

– Да, но и ты тоже.

Такая резкость удивила Билли. До сих пор Люк был с ней безукоризненно любезен.

– Ты так говоришь, словно это моя вина!

– Ничьей вины здесь нет, вам просто не повезло, – ответил он. – Тем не менее Энтони поставил тебя в такое положение, что любое неудачное стечение обстоятельств может сильно тебе навредить.

– Уж это точно!

– А ты ему позволила.

Билли закусила губу. Неодобрение Люка ее расстроило: сама не понимая, почему, она очень хотела, чтобы этот парень не думал о ней дурно.

– Как бы там ни было, – решительно сказала она, – больше я такой глупости не сделаю! Ни с кем!

– В сущности, Энтони отличный парень. Умница. Правда, немного эксцентричный.

– Когда на него смотришь, сразу хочется начать о нем заботиться – причесать, выгладить ему рубашку и сварить куриный бульон.

Люк рассмеялся, а потом спросил:

– Можно задать тебе личный вопрос?

– Попробуй.

На миг он встретился с ней взглядом.

– Ты его любишь?

Хотя вопрос был неожиданный, Билли нравились мужчины, способные ее удивить, так что она ответила честно:

– Нет. Он мне очень нравится, мне с ним легко и приятно, но я его не люблю. – И тут же подумала о девушке Люка – Элспет, признанной первой красавице Рэдклиффа: высокой и стройной, с длинными золотисто-рыжими волосами, красивой холодной нордической красотой. – А ты? Ты любишь Элспет?

– Вряд ли я вообще понимаю, что такое любовь, – ответил Люк, не отводя взгляда от дороги.

– Уклончивый ответ.

– Верно. – Он бросил на нее задумчивый взгляд – и, как видно, решив, что с ней можно быть откровенным, продолжил: – Если честно, то это очень похоже на любовь. Ни одна девушка в прошлом не нравилась мне так, как она. Но, понимаешь... я еще не уверен, что это настоящее.

Билли ощутила укол вины.

– Вряд ли Энтони с Элспет понравилось бы, как мы здесь их обсуждаем, – заметила она.

Люк смущенно кашлянул и сменил тему.

– Чертовски не повезло, что вас застукали в Хаусе!

– Надеюсь, это не выйдет наружу. Ведь Энтони могут исключить!

– И не его одного. Тебе тоже достанется.

Об этом Билли старалась не думать.

– Вроде бы они не поняли, кто я. Я слышала, как один из них сказал что-то про «шлюху».

Люк бросил на нее удивленный взгляд – и Билли сообразила, что Элспет, должно быть, не употребляет при нем слов вроде «шлюха». И ей не стоило.

– Пожалуй, по заслугам, – добавила она. – В конце концов, меня застали среди ночи в мужском общежитии!

– Вряд ли это оправдывает грязную брань, – заметил Люк.

И снова его слова прозвучали как обвинение не только тому незнакомому студенту, но и ей самой. А он колючий парень, Люк, подумала Билли. С ним нелегко, он ее злит... но этим ей и нравится. Она вдруг почувствовала, что в машине не так уж холодно, и сняла перчатки.

– А как насчет тебя? Читаешь мораль нам с Энтони – а сам-то чем лучше? Не боишься скомпрометировать Элспет тем, что катаешь ее на машине до поздней ночи?

К ее удивлению, Люк добродушно рассмеялся.

– Ты права, я рассуждаю как ханжа. Сегодня вечером все мы отличились!

– Уж это точно! – Она вздрогнула. – Не знаю, что буду делать, если меня выгонят.

– Ничего, доучишься где-нибудь еще.

Она покачала головой.

– Я на государственной стипендии. Отец умер, у матери нет ни гроша. И если меня исключат за нарушение этики, второй раз стипендию я не получу... А что тебя так удивляет?

– Ну... откровенно сказать, по одежде ты вовсе не похожа на бедную сиротку!

– Это я на Левенвортовский грант принарядилась, – объяснила Билли, польщенная тем, что он заметил ее наряд.

– Ого! – Получить Левенвортовский грант было недостижимой мечтой для многих отличников. – Да ты, должно быть, просто гений!

– Ну уж не знаю, – протянула Билли, польщенная нескрываемым уважением в его голосе. – Гений вряд ли попал бы в такую историю, как я сегодня.

– С другой стороны, вылететь из колледжа – еще не самое страшное. Некоторые умнейшие люди бросают учебу, а потом становятся миллионерами.

– Нет, для меня это будет конец света. Я не хочу зарабатывать миллионы, моя цель – возвращать больным здоровье.

– Собираешься стать врачом?

– Психологом. Хочу понять, как работает человеческий ум.

– Зачем?

– Меня завораживает мышление. Таинственный, невероятно сложный процесс. Как мы думаем? Откуда берется логика? Как нам удастся вообразить то, чего нет перед глазами?.. Ты знаешь, что животным это недоступно? А память? Знаешь, что у рыб нет памяти?

Люк кивнул.

– А почему практически каждый из нас способен узнать музыкальную октаву? – продолжил он. – Две ноты, частота одной вдвое больше, чем у другой – откуда это известно нашему мозгу?

– Так тебе тоже это интересно! – воскликнула она, обрадовавшись тому, что Люк разделяет ее увлечение.

– От чего умер твой отец? – спросил он вдруг.

Билли тяжело сглотнула; к горлу вдруг подступили слезы. Вот так всегда: случайное слово об отце – и вдруг из ниоткуда появляется острое горе, хватая за горло, почти лишает дара речи.

– Ох, прости! – поспешно добавил Люк. – Я не хотел тебя расстраивать!

– Ничего-ничего, – выдавила она. Сделала глубокий вдох. – Он сошел с ума. И однажды воскресным утром отправился купаться на реку Тринити. А ведь всю жизнь ненавидел воду и даже не умел плавать! Я полагаю, он хотел умереть. Коронер тоже так думал, но присяжные сжалились над нами и вынесли вердикт о несчастном случае, чтобы мы могли получить страховку. Страховка составляла сто долларов, и на нее мы прожили целый год. – Билли снова глубоко вздохнула. – Давай поговорим о чем-нибудь другом. Расскажи мне о математике.

– Ладно. – Люк помолчал. – Математика, пожалуй, в своем роде не менее увлекательна, чем психология. Возьмем, например, число «пи». Почему соотношение длины окружности с ее диаметром всегда равно 3,14? Не шесть, не два с половиной? Кто так решил – и зачем?

– Ты говорил, что хочешь заниматься космическими исследованиями?

– Да. Если люди сумеют выйти в космос, это будет самое грандиозное приключение в истории человечества.

– А я хочу составить карту человеческого разума, – ответила Билли, постепенно успокаиваясь. – Похоже, у нас много общего – у обоих большие планы на будущее!

Люк рассмеялся, затем притормозил.

– Впереди перекресток.

Билли включила фонарик и посмотрела на карту, разложенную на коленях.

– Нам направо, – сказала она.

Они уже подъезжали к Ньюпорту. Время пролетело незаметно, и Билли даже пожалела о том, что путешествие подходит к концу.

– Не представляю, что я скажу кузену, – заметила Билли.

– А что он за человек?

– Голубой.

– «Голубой»? В каком смысле?

– В прямом. Он гомосексуалист.

– А... понятно, – пробормотал Люк, бросив на нее изумленный взгляд.

– Что, я опять тебя шокировала? – поинтересовалась Билли. Она предпочитала говорить прямо обо всем, о сексе в том числе, и терпеть не могла мужчин, ждущих, что при упоминании секса женщина будет краснеть, опускать глазки и бормотать какую-нибудь невнятицу.

– Выражаясь твоими словами – «уж это точно!» – широко улыбнулся Люк.

Билли рассмеялась, приятно согретая тем, что он заметил и оценил ее любимую тexas-скую фразу.

– Впереди на дороге развилка, – сообщил Люк.

Билли снова сверилась с картой.

– Что-то не вижу. Посмотри сам.

Он остановил машину и склонился над картой, освещенной фонариком. Протянув руку, повернул карту к себе, – и его теплое прикосновение согрело холодную ладонь Билли.

– Мы, наверное, здесь, – произнес он, указывая на карту.

Но вместо того, чтобы проследить взглядом за его рукой, Билли вдруг обнаружила, что не может оторвать глаз от лица Люка, полускрытого глубокими тенями, освещенного лишь лунной и боковым отсветом фонарика. Его непослушные кудри растрепались и упали на лицо, почти закрыв левый глаз. Миг спустя он почувствовал ее взгляд и встретился с ней глазами. Не думая, что делает, Билли, подняв руку, тыльной стороной мизинца погладила его по щеке. Он изумленно уставился на нее – и в его глазах она разглядела смятение и желание.

– Куда же нам ехать? – тихо спросила она.

Он резко отодвинулся и завел мотор.

– Нам... – Голос изменил ему; он прокашлялся и договорил: – Нам сейчас налево.

«Что я делаю? – смятенно думала Билли. – Люк весь вечер обхаживал самую красивую девушку в Рэдклиффе. А я встречаюсь с его лучшим другом. Что я, черт побери, вытворяю?!»

Пусть ее чувства к Энтони не были особенно сильны, даже до сегодняшнего происшествия, – все же она с ним встречается. А значит, не имеет права заигрывать с его соседом по комнате.

– Зачем ты это сделала? – сердито спросил Люк.

– Не знаю, – честно ответила она. – Я не хотела, само собой вышло. Люк, нельзя ли помедленнее?

Вместо ответа он только прибавил скорость.

– Я этого не хочу! – прорычал он сквозь зубы, явно обращаясь к самому себе.

У нее вдруг перехватило дыхание.

– Чего не хочешь?

– Неважно.

В воздухе чувствовался солоноватый запах моря; до дома кузена Билли было совсем недалеко, она уже узнавала знакомые места.

– Сейчас снова налево, – предупредила Билли. – И, пожалуйста, притормози, иначе мы пропустим поворот!

Люк притормозил и съехал на раскисшую гравийную дорогу.

Билли мечтала об одном: поскорее добраться до места, выйти из машины и покончить с этим невыносимым напряжением. И все же... какая-то часть ее души страстно желала, чтобы это путешествие рядом с Люком никогда не кончалось.

– Вот мы и приехали, – сказала она.

Они остановились у симпатичного одноэтажного коттеджа с резным деревянным карнизом и фонарем над входом. Фары «Форда» выхватили из темноты сидящую на подоконнике кошку; со спокойным презрением смотрела она на людей и их глупые человеческие страсти.

– Зайдешь? – спросила Билли. – Дэнни сварит кофе, чтобы тебе не заснуть на обратном пути.

– Нет, спасибо, – ответил Люк. – Подожду, пока ты войдешь в дом, и поеду.

– Ты очень меня выручил. Я не заслужила такой доброты, – проговорила она, протягивая ему руку.

– Так мы друзья? – спросил он, сжав ее ладонь в своей.

Она подняла его руку к своему лицу, поцеловала, прижала к щеке и закрыла глаза. Секунду спустя послышался тихий стон. Открыв глаза, Билли увидела, что Люк смотрит на нее, как завороченный. Затем он положил руку ей на затылок и привлек к себе. Их губы встретились. Нежный поцелуй, теплое дыхание – и сильные пальцы Люка, ласково перебирающие ее волосы... Она схватила его за отвороты грубого твидового пальто и притянула к себе. «Если сейчас он схватит меня в охапку и увезет куда угодно, я не стану сопротивляться!» Эта мысль зажгла ее желанием. Исполненная такого страстного влечения, какого никогда прежде не ощущала, Билли слегка прикусила его нижнюю губу...

И в этот миг послышался голос Дэнни:

– Кто там?

Билли поспешно отстранилась. В доме вспыхнул свет, на порог вышел Дэнни в пурпурном шелковом халате.

Билли снова повернулась к Люку.

– Чтобы влюбиться в тебя, мне хватило двадцати минут, – прошептала она. – Но нет, друзьями мы вряд ли станем.

Еще одно долгое мгновение смотрела она на него – и видела в его глазах то же смятение чувств, что ощущала в своем сердце. Затем отвернулась, сделала глубокий вдох и вышла из машины.

– Билли! – воскликнул Дэнни. – Боже правый, что ты здесь делаешь? Что случилось?

Перебежав через двор, она рухнула в его объятия.

– О Дэнни, – простонала она, – я... я люблю его... но у него есть другая!

Дэнни сочувственно похлопал ее по спине.

– Ох, милая, – проговорил он, – как я тебя понимаю!

За спиной взревел мотор. Билли обернулась, чтобы помахать Люку на прощание, – и увидела его лицо. На щеках его в свете луны блестели слезы.

Машина развернулась и исчезла во тьме.

8.30

На конической вершине ракеты «Редстоун» находится странное сооружение – нечто вроде огромной птичьей клетки со ступенчатой крышей и с флагиштоком, торчащим из центра. В этой секции, около тринадцати футов высотой, расположены вторая, третья и четвертая ступени ракеты – и сам спутник.

Никогда еще секретные службы в Америке не достигали такого могущества, как в январе 1958 года.

Директор ЦРУ Аллан Даллес приходился родным братом Джону Фостеру Даллесу, государственному секретарю правительства Эйзенхауэра – а это означало, что у руководства ЦРУ была прямая связь с Белым домом. Но это лишь половина объяснения.

Вместе с Даллесом работали четыре его заместителя, однако настоящей властью обладал лишь один из них – руководитель планово-оперативного отдела. Именно этот отдел, известный также под зловещей аббревиатурой СС – секретная служба, планировал операции, правда о которых никогда не должна была выйти на свет. Например, как произошли государственные перевороты в некоторых странах, чьи предыдущие правительства слишком явно склонялись на сторону СССР.

Белый дом был глубоко впечатлен этими переворотами, почти бескровными и совсем не затратными – особенно в сравнении с недавним опытом Кореи, где США развязали настоящую войну, стоившую немало денег и жизней. Вот почему парни из секретной службы пользовались в правительственных кругах огромным влиянием. Что же до широкой публики – она и не подозревала об их существовании, искренне полагая, что левые правительства в Иране и Гватемале свергли собственные антикоммунистические силы этих стран.

В состав планово-оперативного отдела входила служба технического обеспечения – подразделение, возглавляемое Энтони Кэрроллом. Сам Кэрролл служил в ЦРУ с самого его основания в 1947 году. Он всегда хотел работать в Вашингтоне – не случайно в Гарварде он специализировался по государственному управлению, – а во время войны пошел в УСС и там быстро обратил на себя внимание. В начале пятидесятых направленный в Берлин Энтони прорыл там тоннель с американской стороны в советскую зону, подключился к советской телефонной сети и полгода – пока его не засекли – прослушивал переговоры КГБ. В результате ЦРУ получило гору бесценной информации. Это была, пожалуй, самая успешная операция эпохи холодной войны, и после нее карьера Энтони стремительно взлетела вверх.

Теоретически служба технического обеспечения представляла собой учебное подразделение. Где-то в глубинке Виргинии располагалась принадлежащая ей старая ферма, на которой новобранцы проходили тренировки: учились проникать в дома, не оставляя следов, устанавливать подслушивающую аппаратуру, использовать коды и невидимые чернила, шантажировать дипломатов, выпытывать информацию. Однако эта «учеба» была и прикрытием для всевозможных тайных операций в США. По закону, на территории родной страны ЦРУ действовать запрещалось, – мелкое неудобство, с точки зрения сотрудников СТО. Все, что делал Энтони – от прослушивания телефонов профсоюзных боссов до испытания «сыворотки правды» на заключенных, – он с легкостью представлял начальству в виде итогов тренировочных операций.

Не была исключением и слежка за Люком.

Шесть опытных агентов собрались в кабинете Энтони – просторной комнате, обставленной по-военному скудно: небольшой письменный стол, стальной сейф для документов, круглый стол и стулья вокруг него. В новых апартаментах ЦРУ в Лэнгли наверняка будет избы-

ток мягких кресел и панелей красного дерева, – но на своей территории Энтони предпочитал спартанскую обстановку.

Пока Пит Макселл раздавал коллегам распечатанные фотографии Люка и описание его костюма, сам Энтони вводил агентов в курс дела.

– Наш сегодняшний объект – госслужащий среднего ранга, с высоким допуском секретности. У него случилось что-то вроде нервного срыва. В понедельник он прилетел сюда из Парижа, остановился в «Карлтоне», во вторник запил. Ночь провел неизвестно где, а сегодня утром появился в столовой для бездомных. Риск утечки секретных данных здесь очевиден.

Один из агентов, рыжий Ред Райфенберг, поднял руку.

– У меня вопрос.

– Слушаю.

– Почему бы нам просто не задержать его и не выяснить, что с ним стряслось?

– Хороший вопрос. Разумеется, рано или поздно мы так и сделаем.

В этот миг дверь кабинета отворилась, и на пороге показался Карл Хобарт – полный лысый мужчина в очках, руководитель отдела специализированных служб, который, помимо службы технического обеспечения, включал в себя отделы кодирования и шифрования. Теоретически – непосредственный начальник Энтони.

Энтони застонал про себя и мысленно взмолился о том, чтобы чертов Хобарт не лез в его дела – хотя бы сегодня!

– Прежде чем объект окажется у нас в руках, – продолжал он, – мы должны проверить, где он, чем занимается, контактирует ли с кем-либо, и если да, то с кем. Мы ведь не знаем, что происходит. Может быть, он просто поссорился с женой. А может быть, сливает другой стороне секретную информацию – либо по идеологическим причинам, либо потому, что они его чем-то шантажируют, и ушел в запой, не выдержав напряжения. Если он замешан в государственной измене, до задержания мы должны получить всю возможную информацию.

– О чем речь? – прервал его Хобарт.

Энтони неторопливо повернулся к нему.

– Небольшое учебное задание. Организуем слежку за подозреваемым дипломатом.

– Передайте это дело ФБР, – отрезал Хобарт.

Войну Хобарт провел в разведке ВВС. По его понятиям, разведка должна была выполнять одну-единственную задачу: выяснять, где враг и чем он занят. Ветеранов УСС он презирал за «грязные трюки». Раскол проходил по самому центру управления. Ветераны, пришедшие сюда из УСС, были по натуре свободными корсарами: они делали все, что считали нужным, не задумываясь рисковали головой и терпеть не могли следовать правилам или держаться в рамках оговоренного бюджета. За эту безалаберность бюрократы их ненавидели. Энтони же был корсаром из корсаров – отчаянный сорвиголова, из тех, кому даже убийство сходило с рук.

– С какой стати? – холодно поинтересовался Энтони.

– Вы прекрасно знаете: ловить коммунистических шпионов на территории США – работа ФБР, а не наша.

– Нам необходимо проследить связи подозреваемого. Такое дело, если правильно к нему подойти, может открыть уйму информации. А ФБР это не интересует, у них одна забота – разрекламировать себя, отправив очередного «красного» на электрический стул!

– И все же таков закон.

– Мы с вами оба знаем, что это дерьмо собачье, а не закон.

– Тем не менее...

Как бы ни ненавидели друг друга разные «партии» в ЦРУ, все они разделяли неприязнь к ФБР и его директору, самовлюбленному Дж. Эдгару Гуверу.

– Помните, когда ФБР в последний раз делилось с нами информацией? – стараясь сохранять хладнокровие, мягко поинтересовался Энтони.

– Никогда, – ответил Хобарт. – Но в любом случае сегодня у меня для вас другое поручение.

Энтони почувствовал, что закипает. Что этот жирный ублюдок о себе вообразил? Считает себя вправе давать ему «поручения»?!

– О чем речь?

– Белый Дом запросил у нас доклад: что делать с переворотом на Кубе⁷. Совещание по этому вопросу начнется через несколько часов. Мне нужно ваше мнение и мнения самых опытных ваших людей.

– Хотите, чтобы я вам рассказал биографию Фиделя Кастро?

– Разумеется, нет! О Кастро я и так все знаю. Мне нужны практические предложения: как нам поступить в этой ситуации.

– Почему бы не сказать прямо: как нам уничтожить Кастро и его шайку?! – ответил Энтони, который терпеть не мог хождений вокруг да около.

– Ну... может быть.

– А что еще, интересно, мы можем с ними сделать? – язвительно усмехнулся Энтони. – Отправить в воскресную школу?

– Это уж Белому дому решать. Наша задача – предложить варианты. Поэтому мне хотелось бы вас выслушать.

Энтони пытался сохранить внешнее хладнокровие. Сегодня у него попросту нет на это времени! Да и люди ему нужны все, а опытные – особенно.

– Посмотрим, что я смогу сделать, – ответил он, надеясь, что Хобарт удовлетворится таким расплывчатым обещанием.

Надеялся он зря.

– У меня в конференц-зале, со всеми самыми опытными вашими агентами, в десять часов – и не опаздывать! – приказным тоном объявил Хобарт и пошел к двери.

Энтони принял решение.

– Нет, – ответил он.

Хобарт резко повернулся к нему.

– Это не просьба, – сообщил он. – Это приказ.

– Читайте по губам, – предложил Энтони и, когда Хобарт недоуменно воззрился ему в лицо, громко и отчетливо, старательно артикулируя каждый звук, произнес: – Пошел на хрен! Кто-то из агентов фыркнул. Лысая макушка Хобарта побагровела.

– Ну... – пропыхтел он. – Ну... погодите, Кэрролл! Вам это с рук не сойдет!

И вылетел за дверь, с треском захлопнув ее за собой.

Все в комнате дружно расхохотались.

– Вернемся к работе, – предложил Энтони. – Сейчас за нашим объектом наблюдают Саймонс и Беттс. Как только они выйдут на связь, Ред Райфенберг и Экки Горвиц их заменят. Будем следить четырьмя сменами по шесть часов каждая, плюс дежурные на телефоне. Пока все.

Агенты толпой вышли за дверь, однако Пит Максвелл задержался. Он уже побрился и переоделся в обычный деловой костюм с модным узким галстуком: в таком виде родимое пятно у него на щеке и неровные зубы бросались в глаза, словно разбитые окна в новом доме. Быть может, из-за своей непривлекательной внешности Пит был застенчив и необщителен, зато немногим своим друзьям по-настоящему предан. Сейчас он с тревогой спросил Энтони:

– Это не опасно для вас – так разговаривать с Хобартом?

– Он никчемный болван.

---

⁷ Речь идет о победе коммунистического «Движения 26 июля», возглавляемого Фиделем Кастро, над режимом диктатора Батисты. (Прим. пер.)

– И еще наш босс.

– Я не допущу, чтобы он сорвал мне важную операцию.

– Вы солгали. Ему не составит труда выяснить, что Люк – вовсе не дипломат из Парижа.

– Тогда сочиню другую историю, – пожал плечами Энтони.

Пит посмотрел на него с сомнением, но кивнул и двинулся к дверям.

– Вообще-то ты прав, – остановил его на пороге Энтони. – Я рискую, и чертовски сильно.

Если что-то пойдет не так, Хобарт не упустит возможности откусить мне голову!

– Так я и думал.

– Значит, наша задача – чтобы все прошло, как задумано.

Пит вышел. Оставшись один, Кэрролл несколько раз глубоко вздохнул, стараясь успокоиться. Кабинетные «войны» и подковерные интриги его бесили... К сожалению, от людей вроде Хобарта нигде не спрячешься.

Он не сводил глаз с телефона – и действительно, не прошло и пяти минут, как телефон зазвонил. Энтони снял трубку.

– Кэрролл слушает.

– Опять ты изводишь старину Хобарта! – раздался в трубке хриплый прокуренный голос человека, который большую часть жизни наслаждался всеми возможными дурными привычками.

– Утро доброе, Джордж! – ответил Энтони. Джордж Купермен, заместитель директора ЦРУ и глава оперативного отдела, был непосредственным начальником Хобарта и боевым товарищем Энтони в годы войны. – Пусть не путается у меня под ногами!

– Ну-ну, хватит дерзить начальству! – почти ласково проговорил Купермен. – Зайди-ка ко мне.

– Уже иду.

Энтони повесил трубку. Открыв ящик письменного стола, достал оттуда толстую папку с бумагами, накинул пальто и отправился к Купермену – в соседний Корпус Пи.

Джордж Купермен был высоким костлявым человеком лет пятидесяти, хотя изрытое морщинами лицо делало его старше. Он сидел, закинув ноги на стол, с неизменной сигаретой во рту; перед ним дымилась на столе огромная кружка кофе. Он читал московскую газету «Правда»: в Принстоне Купермен специализировался по русской литературе и отлично знал русский язык.

– Ну почему ты не можешь быть с этим жирным ублюдком хоть немного повежливее? – проговорил он, откладывая газету и не вынимая сигареты изо рта. – Нелегко, понимаю, но хоть ради меня постарайся!

– Хобарт сам виноват, – ответил Энтони, садясь. – Пора бы уже усвоить, что я его оскорбляю только в одном случае – когда он открывает рот.

– Ну и какую отговорку ты придумал на этот раз?

Энтони молча положил на стол папку. Купермен раскрыл ее и некоторое время вглядывался в ксерокопированные бумаги.

– Чертежи, – проговорил он. – Судя по всему, чертежи ракеты. И что?

– Это сверхсекретные материалы. Найдены у объекта слежки. Он шпион, Джордж.

– И ты решил не говорить этого Хобарту.

– Я хочу проследить за этим парнем, пока он не раскроет нам всю сеть, а затем использовать его для дезинформации. А Хобарт передаст дело в ФБР; они просто схватят парня, потащат в тюрьму – и прости-прощай вся сеть его контактов.

– Черт, ты прав! И все же очень хотелось бы увидеть тебя на совещании. Я там председательствую. Сделаем так: приходи один, твои ребята пусть работают, а если случится что-то срочное, всегда сможешь уйти.

– Спасибо, Джордж.

– И послушай: ты сегодня вытер ноги о Хобарта на глазах чуть ли не у всего своего отдела, так?

– В общем, да.

– Так вот: в следующий раз, когда захочешь послать его куда подальше, сначала пригласи его выйти. Договорились?

И Купермен снова уткнулся в «Правду». Энтони собрал чертежи и двинулся к дверям. Уже у дверей начальник его окликнул:

– И постарайся, черт побери, чтобы с этой слежкой дело выгорело! Если к оскорблению босса добавится провал операции, я уже не смогу прикрыть тебе задницу!

Энтони молча вышел.

Он не стал сразу возвращаться к себе, а прошел вдоль обреченных корпусов ЦРУ, заполняющих пространство между Конститушн-авеню и набережной пруда, мимо парковки и вышел через задние ворота в парк.

Энтони шел по аллее, обсаженной английскими вязами, с наслаждением вдыхая свежий морозный воздух, смягченный близостью моря. Утро выдалось нелегкое, но в целом все идет по плану. Главное – что никто из его коллег так и не узнал правду.

Он дошел до конца аллеи и остановился примерно посередине между Мемориалом Линкольна и памятником Вашингтону. «Это вы во всем виноваты, – думал Энтони, обращаясь к двум великим президентам. – Вы внушили людям, что они могут стать свободными, зажгли их этой мечтой. Теперь я сражаюсь за ваши идеалы. Давно уже не верю в свою правоту, не уверен, что у меня вообще остались какие-то принципы... Должно быть, я просто слишком упрям, чтобы сдаться. Быть может, и вы чувствовали себя так же?»

Мертвые президенты не давали ответа; и, немного подышав воздухом, Энтони вернулся в Корпус Кью.

У себя в кабинете он обнаружил Пита вместе с парой агентов, следивших за Люком: Саймонс – в синем пальто, Беттс – в зеленом габардиновом плаще. Однако здесь же сидели и Райфенберг и Горвиц, которые должны были их сменить.

– Какого дьявола вы здесь делаете? – проговорил Энтони, охваченный внезапной тревогой. – Кто следит за Люком?

Саймонс потупился, сжимая в руках серую фетровую шляпу.

– Н-никто, – пробормотал он.

– Что?! – взревел Энтони. – Что случилось, мать вашу? Отвечайте, недоумки!

После короткого тяжелого молчания заговорил Пит.

– Мы... – Он тяжело сглотнул. – Мы его упустили.

Часть вторая

9.00

Ракета «Юпитер-Си» изготовлена для армии корпорацией «Крайслер». Огромный и мощный двигатель, который поднимет в воздух первую ступень, произведен компанией «Норт-Американ авиэйшин инкорпорейтед». Вторая, третья и четвертая ступени ракеты были разработаны и прошли испытания в Лаборатории реактивного движения в Пасадене.

Люк был страшно зол на себя. Как он мог так оплошать? Встретил двух человек, скорее всего знающих, кто он такой, – и упустил обоих!

Он вернулся в район дешевых съемных квартир вблизи благотворительной столовой на Эйч-стрит. Уже совсем рассвело, и в бледном свете зимнего дня трущобный квартал казался непригляднее прежнего: дома старше, улицы мрачнее, люди потрепаннее. На крыльце какого-то давно закрытого магазина он увидел двух бродяг с бутылкой пива – и, вздрогнув, поспешно прошел мимо.

Тут Люка поразила новая мысль. Алкоголика постоянно тянет выпить, верно? Но его затошнило при одной мысли о том, чтобы накачиваться пивом с раннего утра. Значит, заключил он с огромным облегчением, он не алкоголик.

Хорошо, он не пьяница; тогда кто же?

Мысленно он составил список всего, что знает о себе. Ему от тридцати до сорока. Не курит. Не пьет, хотя с виду похож на пьяницу. Служил в полиции или в какой-то секретной службе. И знает слова гимна «Иисус – наш лучший друг».

Негусто.

Следуя своему плану, Люк разыскивал полицейское отделение и решил спросить дорогу у прохожих. Минуту спустя, проходя мимо заброшенного дома с железной оградой, ржавой и кое-где поломанной, он увидел, как сквозь дыру в ограде, отдуваясь, вылезает на улицу полицейский. «Вот это удача!» – подумал Люк и обратился к нему:

– Вы не подскажете, как мне добраться до отделения полиции?

Коп – жирный тип с крысиными усами – взглянул на Люка с отвращением и прорычал:

– У меня в багажнике доедешь, если не уберешься отсюда к долбаной матери!

Грубость полицейского поразила Люка. Что с ним такое? Однако Люк устал бродить по улицам и хотел знать, куда ему идти, так что повторил вопрос:

– Я просто хотел узнать, где ближайший полицейский участок.

– Вали отсюда, придурок гребаный! Второй раз повторять не буду!

Люк почувствовал, что начинает злиться. Что этот коп о себе вообразил?

– Мистер, я просто задал вам вопрос! – проговорил он.

С удивительным для толстяка проворством коп схватил Люка за отвороты потрепанного пальто и толкнул сквозь дыру в заборе. Люк пошатнулся и упал на асфальт, больно стукнувшись плечом.

К его удивлению, он оказался не один. Рядом, прямо за забором, он увидел молодую женщину – грубо размалеванную крашеную блондинку, в расстегнутом пальто поверх легкого платья, вечерних туфлях на каблуках и порванных чулках. Она торопливо поправляла чулки. Люк догадался, что это проститутка – и, должно быть, она только что обслужила толстяка-полицейского.

Полицейский шагнул следом и пнул его ногой.

– Господи, Сид, – послышался рядом голос проститутки, – что он тебе сделал? Плюнул на тротуар? Оставь беднягу в покое!

– Я его научу уважать закон и порядок! – прорычал полицейский.

Краем глаза Люк заметил, что коп вытаскивает свою дубинку. Он откатился в сторону – но недостаточно быстро: удар пришелся по левому плечу, и рука сразу онемела. Полицейский занес дубинку еще раз.

В этот миг в мозгу у Люка что-то щелкнуло.

Вместо того чтобы снова ускользнуть от удара, он сгруппировался и бросился копу под ноги. Из-за неустойчивой позы тот рухнул наземь, выронив дубинку. Люк вскочил. Полицейский тоже успел подняться: но Люк, не теряя времени, бросился на него, схватил за форменную куртку, резким движением притянул к себе и нанес удар кулаком в лицо. Послышался тошнотворный хруст, и коп заорал от боли.

Люк выпустил его и, повернувшись на одной ноге, ударил копа другой ногой по колену. Заскорузлым, давно потерявшим форму ботинком ему едва ли удалось бы сломать кость; однако колено – слабое место, и от удара по нему коп грохнулся наземь.

«Где это, черт возьми, я научился так драться?» – как-то отстраненно, словно во сне, подумал Люк.

Из носа и рта у полицейского шла кровь; однако он приподнялся на одно колено и правой рукой потянул из кобуры пистолет.

Люк прыгнул и ударил копа правым локтем об асфальт – пистолет выпал из его руки. Затем Люк выкрутил ему руку за спину, заставив упасть на живот, сел на него, схватил за указательный палец правой руки и со всей силы заломил назад.

Коп заорал. Люк продолжал выкручивать ему палец. Раздался треск сломанной кости, и коп вырубился.

– Теперь долго не будешь бить бродяг! – тяжело дыша, проговорил Люк. И, чуть подумав, добавил: – Придурок гребаный!

Затем он встал, подобрал револьвер, открыл затвор и высыпал патроны на асфальт.

Проститутка смотрела на него во все глаза.

– Ты кто такой, Элиот Несс?⁸ – спросила она.

Люк взглянул на нее: изможденное тело, бледное лицо под неровным слоем пудры и румян.

– Я и сам не знаю, кто я.

– Ну, не обычный бродяга, это уж точно! – заметила она. – В жизни не видела алкаша, который сумел бы так отделать эту жирную свинью!

– Да, пожалуй.

– Нам надо валить отсюда, – сказала женщина. – Когда Сид придет в себя, на глаза ему лучше не попадаться.

Люк кивнул. Сиды он не боялся, но понимал, что скоро здесь появятся другие полицейские – и им действительно попадаться не стоит. Он пролез сквозь дыру в заборе обратно на улицу и быстро зашагал прочь.

Женщина шла рядом, цокая каблуками по тротуару. Люк замедлил шаг, чтобы она поспевала за ним, ощущая с ней что-то вроде общности: ведь оба они пострадали от жирной свиньи в форме по имени Сид.

– Вообще круто, что Сидни наконец напоролся на кого-то, кто дал ему отпор, – проговорила женщина. – Наверное, я у тебя в долгу!

---

⁸ Элиот Несс (1903–1957) – агент ФБР, руководитель специального подразделения «Неприкасаемых», имевших широчайшие полномочия по борьбе с мафией и коррупцией. Именно Несс посадил в тюрьму знаменитого гангстера Аль Капоне. После выхода в свет в 1957 году книги «Неприкасаемые» Элиот Несс стал в США национальным героем. (Прим. пер.)

– Вовсе нет.

– Ладно, когда тебе захочется девчонку, приходи, обслужу бесплатно!

Это щедрое предложение вызвало у Люка только гадливость, однако он постарался ее скрыть.

– Как тебя зовут?

– Ди-Ди.

Он поднял брови.

– Ну, на самом деле Дорис Доббс, – призналась женщина. – Но что это за имя для девочки на ночь?

– Я Люк. А фамилии не знаю. Я потерял память.

– Ух ты! Стремно, наверное, себя чувствуешь, когда ничего не помнишь!

– Чувствуешь себя совершенно дезориентированным.

– Ну да, я это и хотела сказать.

Он покосился на нее – и увидел, что она улыбается. «Я ей нравлюсь», – подумал Люк, и на сердце у него стало теплее.

– Я не просто не помню свою фамилию или адрес. Я даже не знаю, что я за человек.

– Как это?

– Я спрашиваю себя: порядочный ли я человек? – Быть может, глупо изливать душу случайно встреченной проститутке посреди улицы, но иных собеседников у Люка не было. – Может быть, я верный муж, любящий отец, надежный товарищ... А может, какой-нибудь бандит. Понимаешь? Отвратительно этого не знать.

– Солнце мое, можешь не париться. Что ты за человек, и так понятно. Бандит, будь он на твоём месте, думал бы совсем о другом. Он спрашивал бы: есть ли у меня бабки, много ли народу я пришил, достаточно ли меня бояться?

Люк кивнул: в этом был смысл. Однако такое утешение его не вполне удовлетворило.

– Одно дело – хотеть быть хорошим человеком, и совсем другое... Что, если я жил не так, как считал правильным?

– Добро пожаловать на землю, солнце, – улыбнулась женщина. – Все мы так живем. – Она остановилась у подъезда. – Ладно, ночка сегодня выдалась нелегкая, и мне пора на боковую.

– Пока.

– Хочешь совет? – спросила она вдруг.

– Конечно.

– Приведи себя в порядок. Побрейся, причешись, раздобудь где-нибудь нормальное пальто, а то это выглядит так, словно ты попону у лошади стащил.

Люк понял, что она права. Никто на него и внимания не обратит – не говоря уж о том, чтобы ему помогать, – пока он напоминает уличного сумасшедшего.

– Да, думаю, ты права. Спасибо!

– И достань себе шляпу!

Он машинально поднял руку к голове, только сейчас сообразив: в самом деле, он единственный человек на улице без шляпы! Но где бродяге раздобыть новый костюм? На мелочь у него в кармане много не купишь.

Решение пришло мгновенно: то ли это был очень простой вопрос, то ли в такой ситуации Люку случалось бывать и раньше. Нужно пойти на вокзал. Там целая толпа путешественников, в чемоданах у которых найдется и полный набор одежды, и расческа, и бритвенные принадлежности.

Дойдя до следующего угла, он взглянул на табличку на доме. Сейчас он на углу А-стрит и Седьмой. А несколько часов назад, выходя с вокзала, заметил, что поблизости располагался угол Ф-стрит и Второй.

Люк зашагал в ту сторону.

10.00

Первая ступень ракеты скреплена со второй пружинными пироболтами. Когда она исчерпает свое топливо, болты взорвутся, пружины распрямятся, и использованная ступень будет сброшена вниз.

Психиатрическая клиника Джорджтауна размещалась в викторианском здании из красного кирпича, с современной пристройкой сзади. Билли Джозефсон оставила свой красный «Форд Тандерберд» на стоянке и вихрем влетела внутрь.

Она терпеть не могла опаздывать. Это выглядело как неуважение к работе и к коллегам. А ведь они здесь занимались жизненно важным делом! Медленно, с трудом преодолевая каждый шаг, учились понимать, как работает человеческий ум, словно составляли карту далекой планеты, на поверхность которой удавалось бросить лишь краткие взгляды сквозь разрывы в густой пелене облаков.

Сегодня она опоздала из-за матери. Проводив Ларри в школу, Билли побежала в аптеку за таблетками – а вернувшись, увидела, что мать лежит одетая на кровати и тяжело дышит. «Скорая» приехала немедленно, но ничего нового врач не сказал: у Бекки-Ма слабое сердце, ей нужно регулярно принимать таблетки и избегать нагрузок. Особенно же вреден для нее стресс.

«А как насчет меня? – хотелось спросить Билли. – Для меня стресс не вреден?!» Вместо этого она в который уже раз поклялась себе с сегодняшнего дня ходить вокруг матери на цыпочках.

На секунду задержавшись в приемном покое, она бросила взгляд на регистрационный журнал, раскрытый на стойке. Вчера поздно вечером, уже после ее ухода, в клинике появился новый пациент: Джозеф Беллоу, шизофрения. В имени почудилось что-то знакомое, хотя Билли не могла вспомнить, где его слышала. Как ни странно, пациента в ту же ночь выписали.

Билли прошла через общую комнату, где собирались больные в дневное время. Работал телевизор. Репортер вещал: «Здесь, на мысе Канаверал, у всех на устах один вопрос: когда же наш искусственный спутник Земли отправится в космос? Хотя военные утверждают, что это произойдет в ближайшие несколько дней, точная дата и время остаются неизвестны».

Объекты исследований Билли сидели вокруг: одни смотрели телевизор, другие читали или играли в настольные игры, некоторые просто невидящим взором смотрели перед собой. Билли помахала Тому, молодому человеку, утратившему понимание смысла слов.

– Привет, Томми! – поздоровалась она.

Тот широко улыбнулся и помахал в ответ. Том прекрасно чувствовал язык тела, часто реагировал так, словно понимал, что ему говорят – и лишь через несколько месяцев Билли смогла определить, что он не сознавал ни единого слова.

Рядом строила глазки молодому медбрату алкоголичка Марлин. Алкоголь выжег ее память: пятидесятилетняя Марлин не помнила о себе ничего, начиная с девятнадцатилетнего возраста. Она считала себя юной девушкой и не желала верить, что «старик», навещающий ее в больнице, – ее муж.

Сквозь стеклянную стену опросной Билли увидела Рональда, сидящего за математическим тестом. Рональд, блестящий архитектор, получил травму головы в автомобильной аварии и напрочь утратил способность считать. Даже на вопрос «сколько будет три плюс четыре» он отвечал страшно медленно, считая на пальцах – и далеко не всегда находил правильный ответ.

Многие пациенты здесь страдали шизофренией – болезнью, разрушающей связи человека с реальным миром.

Некоторым больным удавалось помочь лекарствами или электрошоком, однако Билли занималась не лечением, а исследованием расстройств. Изучая болезни, при которых те или

иные умственные способности «выпадают», оставляя неповрежденным рассудок в целом, она составляла перечень функций сознания. Так, архитектор Рональд легко мог ответить, три или четыре предмета стоят перед ним на столе; но если предметов было больше – например дюжина – и их приходилось считать, он очень мучился с подсчетом и часто ошибался. Это подсказало Билли, что способность определить на глаз количество предметов в небольшой группе не то же самое, что способность их сосчитать.

Таким-то образом она постепенно составляла карту человеческого разума: вот память, вот речь, вот способность к счету. А в тех случаях, когда психические расстройства были связаны с механическими повреждениями мозга, это подсказывало, какой участок мозга за какую способность отвечает. Рано или поздно, думала Билли, у нас появится «карта», на которой каждому участку мозга будет соответствовать та или иная функция сознания.

Учитывая скорость работы, на это понадобится лет двести.

Впрочем, она работает одна. Будь у нее команда психологов, работа пошла бы куда быстрее и, возможно, «карту мозга» удалось бы составить еще при ее жизни.

Много лет прошло с тех пор, как отец Билли, впав в депрессию, покончил с собой. Некоторым больным врачи с тех пор научились помогать, но для многих и многих лечения не было, и человеческое сознание в целом по-прежнему оставалось загадкой для ученых. Если бы только Билли могла работать быстрее! Тогда скоро появилось бы лекарство и для таких, как ее отец...

Она поднялась по лестнице на второй этаж, размышляя о таинственном ночном пациенте. Джозеф Беллоу – похоже на Джо Блоу⁹. Может быть, имя вымышленное? И почему его выписали среди ночи?

Из окна ее кабинета открывался вид на строящееся здание. К больнице пристраивали новый корпус – а вместе с ним открывалась и новая должность: заместитель директора по научной работе. Билли очень надеялась, что должность достанется ей. На это же кресло претендовал один из ее коллег, доктор Леонард Росс. Лен был старше Билли, однако у нее больше опыта и публикаций: несколько статей в научных журналах и учебник «Введение в психологию памяти». Она не сомневалась, что Лена сможет обойти – весь вопрос в том, с кем еще придется соперничать. А эта должность ей нужна, очень нужна. Ведь, заняв руководящий пост, она сможет привлечь к своим исследованиям и других психологов!

Возле здания, среди строителей, она заметила группу мужчин в деловых костюмах – шерстяные пальто и фетровые шляпы вместо комбинезонов и касок. Они, как видно, осматривали строительство. Приглядевшись, она заметила среди них Лена Росса.

– Что это за делегация, которой Лен Росс показывает новый корпус? – спросила Билли у секретарши.

– Из Фонда Соуэрби.

Билли нахмурилась. Фонд Соуэрби будет финансировать отдел научной работы – а значит, кто будет им руководить, решат именно эти большие шишки. И Лен уже их всюю обхаживает!

– Мы знали, что они приедут сегодня?

– Лен говорил, что оставил вам записку. И заходил к вам утром, но вас не было.

Билли была совершенно уверена, что никакой записки не получала. Лен не позаботился предупредить ее о приезде спонсоров – что и неудивительно. А сегодня, как назло, она опоздала!

– Черт! – с чувством проговорила Билли и выбежала за дверь.

О странном пациенте по имени Джозеф Беллоу она больше не думала.

---

⁹ Джо Блоу – в американской традиции стандартное вымышленное имя. – (Прим. пер.)

11.00

Перед конструкторами стояла задача собрать ракету как можно быстрее: поэтому для верхних ступеней был использован двигатель, уже несколько лет находящийся в производстве, – от миниатюрной версии ракеты «Сержант», показавшей при испытаниях отличные результаты. Верхние ступени ракеты снабжены несколькими связками этих маленьких двигателей, получивших название «Бэби-сержант».

Пробираясь по перекрестьям улиц к вокзалу, Люк поймал себя на том, что каждую пару минут проверяет, не следят ли за ним.

От «хвоста» он оторвался больше часа назад – но, вполне возможно, сейчас его ищут. Кто они, что им нужно? Интуиция подсказывала: ничего хорошего.

Он потряс головой, чтобы прочистить мысли. Что толку в пустых размышлениях? Надо не гадать, а выяснить.

Но прежде всего необходимо сменить одежду. План состоял в том, чтобы стащить чемодан у пассажира на вокзале. Люк не сомневался, что когда-то прежде это уже проделывал.

Задача не из легких. Грязная рваная одежда будет выделять его из толпы респектабельных путешественников. Однако других вариантов нет. Проститутка Ди-Ди права: пока он выглядит как бродяга, его никто не станет слушать.

Полиция едва ли поверит, что он законопослушный гражданин, потерявший память и непонятно как оказавшийся в лохмотьях посреди улицы. Можно угодить в тюрьму... Люк вздрогнул. Это по-настоящему пугало – не столько сама тюрьма, сколько перспектива на несколько недель или месяцев застрять в неизвестности, в смятении, не понимая, кто ты такой, и не имея никакой возможности это выяснить.

На Массачусетс-авеню показались величественные белые колонны вокзала Юнион-стейшн. Люк задумался о том, как действовать дальше. После кражи придется быстро отсюда исчезнуть, значит, нужна машина. Машина... И немедленно в мозгу всплыло воспоминание о том, как ее угнать.

Улица у вокзала была забита припаркованными автомобилями; хозяева большинства из них сели на поезд и уехали. Люк замедлил шаг, следя глазами за машиной, въезжающей на свободное место неподалеку. Бело-голубой «Форд Ферлейн», не слишком приметный. То, что нужно. Ключ?.. Под приборной доской расположены два провода, соединив которые, можно завести машину без ключа.

И снова в голове пронеслось: «Откуда я все это знаю?»

Из «Форда» вышел мужчина в темном пальто, достал из багажника чемодан, запер машину и двинулся на вокзал.

Надолго ли он ушел? Ведь может случиться, что на вокзале у него просто какое-то дело: тогда он вернется через несколько минут и обнаружит, что машины нет. Поднимется шум, машину объявят в розыск. Нет, так не пойдет. Сначала нужно выяснить, куда он направляется.

Люк последовал за ним.

В величественном здании вокзала, с утра напоминавшем заброшенный храм, теперь было полно народа. Люк сразу почувствовал себя лишним, – все вокруг были прилично одеты, выглядели чистыми и ухоженными. Большинство людей отводили от него глаза, некоторые бросали презрительные взгляды. Люк вспомнил утреннего служащего – не встретиться бы...

Хозяин «Форда» встал в очередь за билетами в кассу, Люк пристроился за ним. Он смотрел в пол, ни с кем не встречаясь взглядом и надеясь, что никто не обратит на него внимания.

Очередь постепенно двигалась вперед. Наконец хозяин «Форда» оказался у окошка.

– Один до Филадельфии и обратно, на сегодня, – сказал он.

Отлично. Филадельфия в нескольких часах езды от Вашингтона – значит, хозяина «Форда» не будет в городе весь день. Исчезновение машины он обнаружит не раньше вечера. До вечера Люк в безопасности.

Выйдя из очереди, он поспешил наружу.

И вздохнул с облегчением. Гулять по улицам вправе все – даже бродяги.

Люк вернулся на Массачусетс-авеню и нашел припаркованный «Форд». Улица была полна машин, по тротуарам туда-сюда сновали пешеходы. Проблема в том, сказал себе Люк, что он выглядит как преступник. Надо действовать быстро.

Он шагнул на проезжую часть, обошел вокруг машины, остановился возле дверцы водителя. Прижал обе ладони к стеклу и попытался сдвинуть его вниз. Не получилось. Люк облизнул пересохшие губы. Быстро оглянулся – никто не обращал на него внимания, – привстал на цыпочки и надавил на стекло всем своим весом. Стекло медленно поползло вниз.

Когда окно открылось полностью, Люк сунул руку внутрь и отпер дверь. Потом закрыл окно, а дверь прикрыл, не захлопывая. Теперь к бегству все готово.

Сразу завести? Пожалуй, не стоит. Пустая машина с работающим мотором привлечет внимание проходящего мимо патрульного или любопытных прохожих.

Он вернулся на Юнион-стейшн, по-прежнему опасаясь, что его заметит какой-нибудь вокзальный служащий. Не обязательно тот, с которым Люк сцепился утром, – любой из них, увидев бродягу, выкинет его, как грязную тряпку. Надо быть незаметным: идти не медленно и не быстро, держаться поближе к стене, не вставать ни у кого на пути и никому не смотреть в глаза.

Стащить чемодан проще всего сразу после прибытия поезда – большого поезда, полного пассажиров, когда на перроне образуется толпа спешащих людей. Люк поднял глаза на информационное табло. Через двенадцать минут прибывает поезд из Нью-Йорка. То, что надо!

Он снова взглянул на расписание, желая узнать, на какой путь прибудет поезд... И тут волосы у него на затылке зашевелились.

Люк оглянулся. Должно быть, краем глаза он заметил что-то, пробудившее инстинктивную тревогу. Сердце заколотилось. Что могло его напугать?

По-прежнему стараясь не привлекать к себе внимания, он подошел к газетному киоску и начал разглядывать стойку с ежедневными газетами. В глаза бросились заголовки:

ГОТОВИТСЯ ЗАПУСК ПЕРВОГО АМЕРИКАНСКОГО СПУТНИКА ЗЕМЛИ

УБИЙЦА ДЕСЯТИ ЧЕЛОВЕК ЗАДЕРЖАН

БАГДАДСКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ ПОДДЕРЖИВАЕТ ЦРУ?

НАШ ПОСЛЕДНИЙ ШАНС ДОГНАТЬ СОВЕТСКУЮ РОССИЮ В КОСМОСЕ

Выждав секунду, он взглянул через плечо. Две дюжины людей пересекали перрон в разных направлениях, еще больше сидели на скамьях красного дерева или стояли, прислонив-

пшсь к стене, в терпеливом ожидании – родные и встречающие. В дверях ресторана маячил метрдотель, зазывая посетителей на поздний завтрак или ранний обед. Покуривала в сторонке компания грузчиков...

А вот и два агента.

В том, кто они такие, Люк не усомнился ни на мгновение. Оба – молодые люди, одетые аккуратно и неприметно: пальто, шляпы, начищенные остроносые ботинки. Выдавала их не внешность, а поведение. Молодые люди явно были начеку: скользили глазами по перрону, всматривались в лица пассажиров, глядели по сторонам... но только не на информационное табло. Прибывающие и отбывающие поезда определенно их не интересовали.

Люк ощутил искушение с ними заговорить. Слишком велика была нужда хоть в ком-нибудь, кто его знает. Слишком устал он ждать слов: «Здравствуй, Люк! Где ты пропадал? Как я рад тебя видеть!»

Быть может, они скажут: «Мы – агенты ФБР, а вы арестованы», – но Люку казалось, что и это станет для него облегчением. Однако... Всякий раз, как возникала мысль довериться преследователям, Люк спрашивал себя: если они не желают ему зла, зачем за ним следят?

Он зашагал прочь, стараясь идти так, чтобы газетный киоск был между ним и агентами. Уже в тени сводчатого выхода решился обернуться. Двое молодых людей шли по открытому перрону, в направлении с востока на запад.

Кто же они такие, черт побери?

Он вышел из здания вокзала, прогулялся вдоль колонн у входа и снова вошел в главный зал. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как два агента исчезают в дверях западного выхода.

Судя по часам на стене, вот-вот прибывает экспресс из Нью-Йорка.

Едва показались первые пассажиры, Люка охватило холодное спокойствие. Он пристально вглядывался в людей, идущих навстречу. Была среда, середина недели, и с нью-йоркского поезда сходили в основном бизнесмены и военные в форме; туристов, женщин и детей почти не было. Он искал глазами мужчину своего роста и телосложения.

Пассажиры проходили через ворота, ожидающие бросались им навстречу, и скоро у выхода образовалась толпа. Люк заметил молодого человека одного с собой роста и сложения; к сожалению, тот был в шерстяной кепке и с вещевым мешком, – вряд ли в багаже у него найдется костюм. Отверг он и пожилого путешественника одного с собой роста, но слишком худого. И мужчину, который выглядел как надо, однако нес с собой только портфель.

Наконец Люк заметил подходящего. Из-под пальто выглядывали фланелевые брюки – значит, деловой костюм спрятан в коричневом кожаном чемодане, который мужчина нес в правой руке. Шел он быстро, с озабоченным лицом – наверное, опаздывал на встречу.

Люк ввинтился в людской водоворот и вышел у намеченной жертвы за спиной.

Толпа была плотной и двигалась медленно. Пассажир с чемоданом вынужден был семенишь; но вот он заметил просвет и торопливо шагнул вперед.

В этот-то момент Люк его и настиг. Он поставил свою ногу между ногами незнакомца, подцепил его ботинком за лодыжку и сильно дернул.

Пассажир вскрикнул, выставил обе руки перед собой, выпустив чемодан, и повалился на женщину в шубе, идущую впереди. Та охнула и тоже начала падать. Мужчина с грохотом рухнул на мраморный пол, шляпа откатилась в сторону. Секунду спустя упала на колени и женщина, выронив сумочку и шикарный чемодан из белой кожи.

Вокруг мгновенно столпились другие пассажиры: кто-то пытался помочь, кто-то спрашивал, что случилось.

Люк спокойно подобрал коричневый кожаный чемодан и быстро зашагал прочь, остро ощущая свою незащищенную спину. У выхода он быстро обернулся через плечо. Люди толпились на том же месте. Ни обокраденного пассажира, ни женщины в шубе видно не было, зато

он заметил высокого мужчину самоуверенного вида, который внимательно оглядывал вокзал и перрон – так, словно что-то искал.

Выйдя наружу, Люк поспешил на Массачусетс-авеню и минуту спустя был уже у «Ферлейна». Машинально взялся за крышку багажника, чтобы спрятать туда украденный чемодан... Багажник не открывался. Ах да, ведь хозяин его запер! Люк оглянулся в сторону вокзала. Тот высокий мужчина тоже вышел и теперь переходил улицу, направляясь в сторону Люка. Кто это? Коп в штатском? Частный детектив? Или просто любопытный зевака?

Люк бросился к водительской дверце, открыл ее, швырнул чемодан на заднее сиденье, сел за руль и захлопнул дверцу.

Пошарив под приборной доской, он обнаружил провода с обеих сторон от замка зажигания. Вытащил их, соединил... Ничего не произошло. Несмотря на холод, на лбу выступил пот. В чем дело?! И тут же откуда-то из глубин памяти всплыл ответ: не тот провод. Люк снова сунул руку под приборную доску. Действительно, справа от зажигания был еще один провод. Он вытащил его и соединил с левым.

Мотор взревел.

Люк снял машину с тормоза, включил поворотный сигнал и тронулся с места. Машина стояла носом к вокзалу, так что ему пришлось развернуться. Затем он быстро поехал прочь.

Все прошло отлично. Теперь у него есть (скорее всего есть!) чистая одежда, смена белья и бритвенные принадлежности. Похоже, он вновь становится хозяином своей жизни.

Осталось найти какое-нибудь тихое место, где можно спокойно привести себя в человеческий вид.

12.00

Примечательно устройство второй и третьей ступеней. Это центральная труба из алюминий-магниевого сплава, по окружности которой установлены одиннадцать двигателей «Бэби-сержант». Внутри нее еще три «Бэби-сержанта» – это третья ступень. На верхушке третьей ступени находится четвертая: одна-единственная ракета, и на носу у нее – сам спутник.

Ровно в полдень начался обратный отсчет: 630 минут до запуска. Мыс Канаверал гудел от нетерпения.

Все ракетчики одинаковы: мечтают о полетах в космос, а сами создают по правительственным приказам оружие. Команда «Эксплорер» запустила уже множество ракет; теперь ракете предстояло преодолеть земное притяжение и выйти в безвоздушное пространство. Для большей части команды сегодняшний день обещал стать исполнением всех надежд. В том числе и для Элспет.

Ученые и технические специалисты размещались в двух ангарах, обозначенных буквами Д и Р. Стандартные самолетные ангары идеально подходили для ракетостроения: в центре большое свободное пространство, куда можно завезти ракету для осмотра и проверки, по бокам – двухэтажные крылья, где теперь располагались кабинеты и лаборатории.

Рабочее место Элспет находилось в ангаре Д. Ее стол и пишущая машинка стояли в кабинете Уилли Фредриксона, руководителя проекта и непосредственного начальника Элспет, которого, впрочем, почти никогда не было на месте. Работа Элспет состояла в том, чтобы уточнять график запуска спутника и доводить его до сведения сотрудников.

Легко сказать!.. График постоянно менялся. Запуск ракеты в космос был для Америки делом совершенно новым. Никаких проверенных планов или схем не существовало. То и дело возникали непредвиденные технические проблемы, и инженеры лезли из кожи вон, изобретая для них нестандартные решения.

Поэтому Элспет приходилось то и дело вносить в график изменения. А для этого постоянно контактировать со всеми членами команды, узнавать обо всех сбоях и задержках, пометать их в записной книжке, затем распечатывать, копировать на ксероксе и разносить новый график по рабочим местам. Требовалось бывать везде и знать почти обо всем. Если где-то возникала заминка, Элспет узнавала об этом первой – и одной из первых слышала, что проблема решена. На бумаге ее должность значилась секретарской, и платили ей соответственно: однако едва ли такую задачу смог бы выполнять человек без университетского образования.

Впрочем, против тяжелой работы и небольшой зарплаты Элспет не возражала. Ей нравилось занимать ключевое место, быть в эпицентре происходящего. Особенно если вспомнить, сколько ее бывших сокурсниц сейчас просто печатают под диктовку чиновников из госдепартамента!

Последнее обновление было готово: Элспет собрала листки с графиком в стопку и вышла за дверь. Сегодня она сбивалась с ног, и хорошо: постоянная беготня отвлекала от мыслей о Люке. Будь ее воля, она бы каждые пять минут звонила Энтони и спрашивала, нет ли новостей. Зачем? Если что-то случится, он сам ей позвонит. А пока лучше сосредоточиться на работе.

Путь ее лежал сначала в отдел прессы, где ответственные за связь с общественностью обзванивали доверенных журналистов, сообщая им, что запуск состоится сегодня вечером. Военные хотели, чтобы журналисты присутствовали при пуске ракеты и освещали их триумф. Однако до того, как ракета поднимется в воздух, информация не должна просочиться в прессу! Запуск уже не раз отменяли из-за разных технических накладок. А ракетчики знали по горькому опыту: любая пустячная заминка, стоит ей попасть в газеты, немедленно превращается

в крушение всех надежд. Вот почему с крупнейшими новостными агентствами заключили сделку: они дают информацию о запуске лишь на условии, что информация эта попадет в печать, «когда загорится хвост» – иначе говоря, не прежде, чем заработают двигатели.

В отделе работали только мужчины – и некоторые из них проводили Элспет заинтересованными взглядами, когда она прошла через комнату и положила график на стол руководителю отдела. Ее стройная фигура и холодная скандинавская красота привлекали многих; однако было в ней что-то – быть может, решительно сжатые губы или опасный блеск зеленых глаз, – что внушало робость и не позволяло мужчинам называть ее «милочкой» или свистеть вслед.

В лаборатории по разработке двигателей кипела работа. Пятеро ученых в рубашках с коротким рукавом стояли вокруг стола и озабоченно рассматривали плоский лист железа, почерпелый и искореженный, словно побывавший в огне.

– Доброе утро, Элспет! – с сильным акцентом поздоровался руководитель группы, доктор Келлер. Как и многие здесь, он был немцем: попал в плен в конце войны и был переправлен в США для работы над американской ракетной программой.

Элспет протянула ему график.

– Что это у вас? – спросила она, кивнув в сторону стола.

– Лопасть двигателя.

Элспет знала, что в хвосте первой ступени ракеты вращаются лопасти.

– А что с ней?

– Эрозия под воздействием горючего, – объяснил Келлер. Голос его потеплел, и акцент усилился, как всегда, когда он говорил о любимом деле. – Эффект неизбежный, однако с обычным спиртовым топливом лопасти держатся достаточно долго, чтобы выполнить свою задачу. Сегодня мы попробовали новое топливо, гидин: у него дольше время горения и выше скорость истечения выхлопных газов – но и лопасти гидин буквально уничтожает... – Он с досадой развел руками. – Что поделать? У нас не было времени провести необходимые испытания!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.